

Сергей Герасимов

Карнавал

Сергей Герасимов

Карнавал

«Автор»

Герасимов С. В.

Карнавал / С. В. Герасимов — «Автор»,

Многоклеточные организмы – животные и растения, тело которых состоит из многих клеток и их производных (различные виды межклеточного вещества). Клетки, составляющие М. о., качественно неравноценны, дифференцированы и объединены в комплексы – ткани, органы. М. о. возникли из одноклеточных организмов и в своем индивидуальном развитии проходят одноклеточную стадию. Самые древние М. о. известны с протерозоя.

© Герасимов С. В.

© Автор

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	17
5	21
6	25
7	29
8	33
9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Герасимов

Карнавал

1

Протерозой, 4 марта, 15-54.

«Давайте придумаем название этому явлению природы», подумала она, имея в виду мартовский снег, требующий названия или хотя бы эпитета. Снег сползал с неба уже третьи сутки без перерыва.

В 16-00 ее рабочий день заканчивался, и в 15-54 Одноклеточная К.Н., положив на лопатки свою основательно утомленную совесть, вышла на порог. Жизнь никогда не стоит на месте; обычно она переползает куда-то – медленно, как виноградная улитка. Улитка ползет по листку, уверенная, что с ней ничего не случится, а листок уже оторвался от стебля и падает в реку, и река несет его в водоворот. Одноклеточная еще не знала об этом.

Она вышла на порог; ветер обрадованно насыпал за воротник жменьку сухого снега, будто сахар в кулек. Одноклеточная так и не успела придумать названия этому явлению природы. Подразумеваемая дорога к остановке троллейбуса шла через парк. Направление было намечено ниточкой следов (такой узкой, будто с утра здесь проходили одни канатоходцы), нога, поставленная точно в след, обязательно, но непредсказуемо, сползала вправо и влево, поэтому Одноклеточная не раз замирала в очень балетных позах. К остановке она приблизилась после получаса хореографических упражнений; дважды лживый троллейбус, мелькнув сразу двумя номерами, проехал и не остановился. Ни один из номеров не водился в этих местах.

А на остановке было ветрено и пустынно. Одноклеточная загрустила. Грусть, грусть, грусть – постоянная, как сахар при диабете. Ее грусть не могли поколебать даже ежедневные порции неприятностей разного свойства; неприятности прилипали к грусти как-то сбоку, а грусть существовала сама по себе. То была грусть несбывшейся мечты, грусть молодости, которая еще не ушла, но уже отвернулась, приготовившись уходить. С молодостью было ясно все, но в чем состояла мечта, Одноклеточная не смогла бы объяснить.

Пустоту остановки скрашивал столб в бахроме объявлений, два зеленых скелета скамеек, мерно покачивающийся колокол урны и крашенная блондинка с распущенными волосами – у объявляющего столба. Одноклеточная застенялась самое себя и, чтобы рассеять стеснение, слегка прошлась. Став рядом с крашеной, она прочла объявление: «Приглашаем на работу молодых эффективных девушек без комплексов». Вот так – именно эффективных. Три одинаковых объявления и каждое – с одной «ф». Крашенная, читавшая объявление, явно принадлежала к типу эффективных девушек. Одноклеточная застенялась еще больше и снова прошлась. У скамеечных скелетов она остановилась и попробовала представить, как выглядели когда-то еще живые скамейки. Оказалось, что выглядели они непригодными для сидения. Применяя метод рассуждений реакционного Кювье, Одноклеточная определила, что скамейки вымерли шесть лет назад (шесть слоев отвалившейся краски); она расчистила снег рукавичкой, чтобы поставить сумку, но сумку ставить не стала. Крашенная оторвала розовый телефончик и пыталась прочесть расплывшийся фломастер. Напрасно.

Войдя в троллейбус, Одноклеточная села и задумалась о чем-то расплывчато-мечтательном. Была почти оттепель, но стекла были подернуты памятью о недавних морозах – ледяными цветами и серыми пятнами, которые продушдали любопытные дети. Одно из таких созданий устроилось напротив: девочка улыбалась во весь рот с выпавшими передними зубами, торчащие клыки делали ее похожей на маленького вампира. В данный момент Одноклеточная меч-

тала о большой любви. Это была самая неконкретная тема для мечтаний, потому что большой любви Одноклеточная не встречала. Маленькой – тоже. А вот маленькой ненависти в ее жизни было предостаточно. Удрученная этим парадоксом, Одноклеточная чуть было не проехала свою остановку.

Входя в метро (скользко-тающая гранитная пещерка), она пока продолжала мечтать о большой любви. На эскалаторе устроилась еще одна девушка эффективной наружности; вокруг нее обвился самодовольный нахал. Пальцы самодовольного нахала паукообразно шевелились. Соскользнув с эскалатора, парочка отошла в сторону и продолжила свои манипуляции.

В вагоне было в меру тесно. Одноклеточная стояла, глядя на свое призрачное отражение, провалившееся внутрь прозрачного стекла. Отражение радовало печальными романтическими глазами (глаза были чуть великоваты, зато с пушистыми белыми ресницами), белая вязаная шапочка прекрасно сочеталась с белой шубкой и невидимой на отражении жидковатой русой косой. Белая шубка оканчивалась намного выше колен, но никто не обращал на это внимания. Сзади, у плечей, стояли четыре военных красавца в форме защитного цвета. Форма одного из них выглядела поновее. Красавцы разговаривали, перегибаясь через голову Одноклеточной, и толкали ее твердыми мускулистыми торсами. Увы, в этих проникновениях не было ничего мужского – так опираются на забор.

Одноклеточная села. Вязаные колготки натянулись на коленях и стали полупрозрачны. Этот замечательный факт не был никому интересен. Вот если бы я была мужчиной, подумала Одноклеточная. Конечно, если бы она была мужчиной.

Просидев совсем немного, она встала. Ей показалось, что в вагон вошло слишком много людей, и будет трудно пробираться к выходу. Народ стоял плотно. Одноклеточная не умела обращаться к незнакомым людям; она попыталась раздвинуть людей локтями, но вышло слишком робко. Тогда она попробовала зарыться в щель между двумя шубами. В этот момент раздвинулись двери; Одноклеточная провалилась в мягкую пушистость зайцев, лисиц и прочих искусственных зверей; еще секунда – и в вагоне стало пусто.

Она огляделась, готовая сесть снова, все еще не предчувствуя водоворот.

Вдоль вагона проходил нищий идиот. Если идиот остановится, то нельзя будет не дать ему денег. Деньги нужно будет искать в сумочке; она будет искать, а идиот будет смотреть своими рыбьими глазами, и все вокруг тоже будут смотреть на низ. Одноклеточная не выдерживала посторонних взглядов. Но если достать деньги заранее, то идиот обязательно подойдет, на это у него ума хватит. А сколько нужно давать? Тысяча – это очень много, но за тысячу не купишь половинки хлеба. Она решила сделать каменное лицо – вдруг идиот пройдет мимо.

Идиот подошел и остановился.

Это был крупный представитель человеческой породы. Назло Гегелю, природа совершила переход качества в количество. В огромной длинноволосой голове явно не было ни одной мысли. Идиот промычал и оттопырил нижнюю губу. Губа его тоже была огромной величины. Одноклеточная стала искать деньги. Почему-то все бумажки были пятитысячными. Она подняла глаза. Окружающие смотрели именно на нее, а те, которые отвернулись, наверняка прислушивались.

– Вот, – сказала она и дала идиоту пять тысяч. Ей удалось не коснуться липкой руки.

– Ээ! – сказал идиот, – оаа.

Может быть, это означало «спасибо».

У выхода из метро стоял газетный киоск, очень обрешлавленный. Проходя, Одноклеточная взглянула сквозь стекло. «Эротика за стенами монастыря» – жизнерадостно завлекала обложка журнала. Следующий переулоч Одноклеточная прошла, размышляя о преимуществах эротики за стенами монастыря. Несмотря на несколько привлекательных картинок, которые представились ее неопытному внутреннему взору, она не смогла убедить себя в преимуществе монастыря. Снег в переулках был утопан до гипсовой твердости, он был так бел и лишен дета-

лей, что глаза пугались собственной слепоты. Одноклеточная стала смотреть вперед. Впереди худощавая дворняга скакала через поле снега с видом боевого коня. Ей бы всадника и флаг, подумала Одноклеточная и зачем-то обернулась. И сразу заметила идиота из метро, который следовал за ней на вежливом отдалении.

Ой! – подумала Одноклеточная и решила сделать шпионский крюк, чтобы избавиться от хвоста.

Она погуляла по людному центру города, изредка оглядываясь и ошибаясь. Но улицы уже стали темнеть, и она остановилась на углу, выбрав для ожидания черную вытаявшую полянку. (Такие полянки виднелись здесь и там – здесь и там теплые подземные артерии города близко подходили к поверхности.) Она решила подождать десять минут на всякий случай, но прождала только пять. Дневная усталость навалилась на нее, как наваливается перегрузка на пилота, делающего мертвую петлю. «Ну и пусть», решила она и двинулась к дому. У ворот ее забросали снежками мелкокалиберные соседские дети. Это выпустило на свободу целый поток ненужных воспоминаний. Соседские дети были регулярно науськиваемы своими мамами, а мамы эти, бывшие школьные подруги Одноклеточной, в свое время превращали ее жизнь в кошмар. В свое время на спине Одноклеточной рисовали клеточки, потом вырезали такие же клеточки на спине ее (всегда клетчатого) пальто, потом ее стали называть Инфузорией. Теперь то же самое продолжалось во втором поколении. Однажды Одноклеточная, собрав воедино все свои зверские качества, попыталась вежливо пожурить одного из соседских, особенно обнаглевших, мальчиков, на что получила ответ в форме трехэтажного мата и вломившегося в квартиру возмущенного отца.

Из всех человеческих занятий самое интересное – это превращать чью-то жизнь в кошмар. Если нет, то почему история состоит из одних кошмаров?

Она поднялась лифтом на седьмой этаж. (Лифт был тесен и грязен, с универсальными надписями на каждой из стен. Настенная живопись не удивляла оригинальностью). Открыв дверь, она увидела свою комнату, – свою, но не родную из-за отсутствия приятных воспоминаний. Комната напоминала человека, который не спешит повернуться к тебе лицом; она так и вошла в спину комнате. Уже полтора года Одноклеточная жила одна, после смерти бабушки Тимофеевны. Будучи жива, Тимофеевна советовала поскорее выходить замуж, до квартиры в центре охотники найдутся. Охотники действительно находились, и действительно до квартиры. Но Одноклеточная пока не вняла мудрому совету бабушки Тимофеевны.

Она не включила свет, зная положение каждой вещи. Вещей было не так уж много. Она прошла во вторую комнатку, очень маленькую, но очень родную, свою. Здесь ей еще меньше хотелось включать свет. Каждая вещь здесь была как кактус с тысячей ядовитых колючек, о которые нельзя не пораниться. Каждая колючка соответствовала одной несбывшейся мечте. Одноклеточная прошла мимо диванчика, на котором некогда сживала Тимофеевна, и никогда не сживал человек, нужный и дорогой именно ей, Одноклеточной. В комнате было почти светло – мощные лампы, висящие над провалом Второй Аvenues, отбрасывали свой бесплатный отблеск и сюда. Подходя к окну, Одноклеточная все же наткнулась на одну иголку-воспоминание. В прошлую зиму (с ноября по март) она замечала, как некто молодой и красивый, возможно, безнадежно влюбленный, каждую пятницу звонил из автомата. Обычно ему не отвечали сразу; молодой и красивый долго гулял, в любую погоду, и настойчиво звонил снова. Одноклеточная включала зеленую лампу на своем столе и незнакомец глядел на ее светящееся окно, просто потому, что ему нужно было куда-то смотреть. А может быть, он думал, кто это включает уютную зеленую лампу каждую пятницу в пять минут девятого? Может быть, он думал о девушке, которая сидит за столом, задумчиво опираясь на руку? Девушка, опирающаяся на руку, в это время сидела у темного соседнего окна и смотрела вниз, мечтая, что однажды телефон испортится, тогда она спустится и предложит молодому и красивому воспользоваться своим телефоном, а потом... В начале марта, за час до прихода незнакомца (это

был выюжный вечер без снега, весь надувшийся ветром) она спустилась к телефонной будке и перекусила провод кусачками. Потом стала в подъезде и начала ждать. Без пяти восемь она совершенно ясно поняла, что никогда не найдет в себе смелости подойти к незнакомому человеку. От сознания этого она едва не заплакала, отвернулась и пошла в дом. Когда она подошла к своему окну, внизу уже никого не было. Часы показывали пять минут девятого. Молодой и красивый больше никогда не появлялся под ее окнами.

Она осторожно подошла к окну, стараясь не наткнуться на еще что-либо. Из глубины города доносилось умное урчание механизмов, возившихся в снегу. Мощные голубоватые лампы над провалом Второй Авеню освещали снежную пустоту и единственную человеческую фигуру, подпирающую стену. Одноклеточная с ужасом узнала идиота из метро.

2

Она вела дневник. Дневник – это слово было и слишком большим, и слишком малым – просто жалкие попытки записать невыразимое. Дневник мерцал, но не как звезда, а как прерывистое дыхание тяжелобольного – вот, кажется, уже ничего нет и быть не может, и вдруг в тишину врывается еще один отчаянный всхлип. Дневник начался еще в розовые годы детства, память о которых уже растаяла, как старое мороженое, и после возобновлялся не менее десяти раз. Каждый раз Одноклеточная записывала все что могла, и, внутренне исчерпавшись и отчаявшись, навсегда прятала заветную тетрадь. Но проходили годы и «навсегда» теряло свою зловещую значительность. Тогда все начиналось снова. Эти циклы были неизбежны, потому что Одноклеточная относилась к тем редким людям, которые могут видеть то, чего никто не видит (каждый из них видит свое), и знают то, чего никто другой не знает. Однако, она не умела выразить ничего из того, что видела или знала.

Она задумалась, глядя на громадную, в полонка, сосульку. Кожа сосульки была бугристой, как кожа бронтозавра, а бронтозавра Одноклеточная представляла себе в виде десятикратно увеличенной земляной жабы (может быть, реминисценция из детского Конандойля). Преломляя зеленый свет лампы, сосулька превращала его в светло-сиреневый, бархатный и нежный цвет только что распустившегося микроскопического цветка сирени – в цвет самой потаенной глубины этого цветка. Она никогда не смогла бы выразить это словами. Были и множества других, видимых ей, призраков, которые всегда медленно умирали, пронзенные неосторожным словом, – например? Например – вечер с последним приступом мороза, когда воздух стал стеклянным и вморозил в себя неподвижность окружающей темноты и бликов; она шла, оставаясь неподвижной (любое движение обжигало холодом) и казалось, что то же самое чувствуют деревья вдоль аллеи – от этого деревья становились несчастными и дружественными ей существами; потом провыли две пожарные машины, прожигая предельную фиолетовость еще более фиолетовыми вспышками; тогда деревья вдруг ожили и упали на снег примерзающими тенями; тени сдвигались рывками и снова примерзали, а цвет их был уже ультрафиолетовым; потом мигалки пронеслись вперед и из огней осталась единственная звезда, вплетенная в ветви (низкие и грязные пятна окон не в счет). Увидев звезду, Одноклеточная остановилась и выдохнула пар, и звезда в облаке пара вырастила сначала четыре, потом шесть, потом снова четыре луча. И все это было невыразимо.

Она начала писать.

«Сегодня случилось два случая. Но про второй я писать не буду. Первый.»

Первый.

В переулок въехали две машины, синхронно повернули и стали рядом. Так же синхронно раскрылись дверцы и из каждой машины вышли трое. Все шестеро были одинаковы в смысле спортивных костюмов, спортивных фигур и выражения спин (спина всегда выражает честнее, чем лицо). Один из шести обернулся. Его лицо совсем не изменилось за восемь лет, хотя фигура подросла в сторону одного общего и наверняка кем-то одобренного образца. Всех шестерых будто отливали в одной форме. А машины были очень дорогими, это Одноклеточная заметила. Итак, сегодня утром она встретила своего школьного знакомого, одного из самых ревностных своих учителей. Но даже мучительство не могло задержать этого человека в ее памяти – это был один из тех серых людей, о которых забываешь через секунду после того, как с ними расстался. В своей жизни Одноклеточная порой встречала уникальных людей; мучитель – уникальный в своем роде, это уникальная посредственность, уникальное ничто. Как всякое ничто, Мучитель имел уникально раздутое самомнение (реакция компенсации), очень примитивное самомнение. В наше время беспросветная тупость и безликость – это преимущества: во-первых, они позволяют заработать деньги, и быстро; во-вторых, они позволяют смотреть на

всех свысока; в-третьих, в эпоху почти всей тупости реакции тупого человека наиболее быстры и адекватны – такой заклеывает тебя, как индюк павлина. (В скобках, о тупости. Вчера в метро к ней обратился пьяненький: «Девушка – вежливо! – как по-вашему, отчего мы живем хуже всех? Виноваты они? (палец вверх) или народ?» «Дураков много», – ответила Одноклеточная. «Дайте пожму вашу руку!», – воскликнул пьяненький.) Но вернемся к Мучителю. Характер у этой ходячей глупости всегда был противным, и со странностями, иногда его отношение к Одноклеточной становилось почти дружеским, порой – просто никаким. Их отношения прерывались долгими периодами неотншений; Одноклеточная была рада никак к нему не относиться, но проходило время и он появлялся на горизонте. Потом он начинал заходить в гости и навязывать себя (что нисколько не мешало ему изощряться в мучениях); Одноклеточная снова терпела его надоедливые излияния, мечтая от него отделаться. Отделаться от него было труднее, чем от хронической экземы. Однажды он украл у Одноклеточной книгу об искусстве Возрождения – просто так украл, зачем ему такая книга? – украл нагло, не скрываясь. Для Одноклеточной это было неожиданное счастье – после кражи Мучитель не поддерживал отношений года четыре, не меньше. Потом стал заходить снова, но редко. Его приставания тоже стали редкими, что уже можно было терпеть. Одноклеточная кое-что слышала о его судьбе. В годы наибольшего расцвета государственной глупости он, как самый подходящий экземпляр, всплыл было на поверхность, но потом утонул снова. Еще Одноклеточная помнила, что Мучитель считал себя гениальным композитором, но только не знал нот и не умел играть ни на одном инструменте, именно это мешало развернуться его творческому дару. Именно это было темой его былых, самых длинных, излияний.

Одноклеточная решила не узнать друга детства. Увы.

– Инфузория! – обрадовался Мучитель. – Как, узнаешь меня?

Одноклеточная сдержанно кивнула.

– Ну иди сюда.

Она подошла и остановилась, не зная, о чем говорить.

– Ты подожди, тут одно дело, потом поговорим.

Она попробовала сказать, что спешит на работу, но промолчала.

– Ты отойди, не стой тут рядом, – сказал Мучитель.

– А у вас секретный разговор? – вежливо спросила она.

– Ага. Отойди, я сказал.

Одноклеточная отошла в сторону, обидевшись. Она постояла минут пять, размышляя на тему хамства. И еще ей было жаль чего-то. Уйти она стеснялась, все же ее позвали.

«Первый. Сегодня я встретила школьного друга, – продолжила она дневник, – забыла, как его зовут. Буду называть его Мучителем.»

Почему-то исчезли слова. Она посидела, глядя в пустое окно с сосулькой, но слова не приходили. Она встала и подошла к окну. Идиот из метро пропал. «Слава Богу», – подумала она и в этот момент в дверь постучали. Она замерла. Стук повторился, потом царапанье. Но у двери был звонок с фамилией.

Звуки продолжались. Она подкралась к двери. Глазка не было и о личности стучавшего можно было только догадываться. Сильный удар. Она вздрогнула.

– Кто там?

Еще удар.

– Не надо стучать, звоните, пожалуйста.

Еще удар.

– Кто там? Скажите, я открою.

– Ээ! – сказали за дверью. – Оаа.

Может быть, это означало: «а вот и я, открывай».

– Уходите, пожалуйста, – сказала Одноклеточная.

Стук прекратился.

Она взяла стульчик и посидела у дверей, ожидая повторения. Но повторения не было. Когда она подошла к окну, идиот стоял на старом месте. Как же он нашел мою квартиру? – подумала Одноклеточная, – неужели по запаху?

Успокоившись, она снова вспомнила об утреннем происшествии.

Буду называть его Мучителем – об этом она подумала еще утром. Стоя в стороне, она наблюдала, как в дальнем завороте переулка появился мужчина с небольшим портфелем. Мужчина шел, глядя под ноги, – из-за плохой дороги и ветра со снегом. Подойдя совсем близко, он поднял глаза и остановился. Неловким движением он было дернулся назад, но его ноги не сдвинулись. Мучитель подошел к нему и ударил. Портфель выпал, раскрылся, из него посыпалась бумага. Мучитель ударил еще раз. Незнакомец упал лицом вниз и остался лежать. Мучитель выбрал удобную позицию сбоку и стал бить упавшего ногой в лицо. Лицо мужчины зарылось в снег, поэтому Мучитель бил не носком, а всем сводом сапога. При каждом ударе голова лежащего подпрыгивала и возле нее подпрыгивал фонтанчик снега.

Потом Мучитель подошел к машине и позвал Одноклеточную. Похоже, что главное было сделано и появилось время для душевного разговора. Остальные пятеро пошли добывать лежащего.

– Ну как дела? – спросила Одноклеточная.

– Дела хорошо, женился.

– А что жена?

– Жена хорошая, любит меня сильно.

Они поговорили в том же духе еще несколько минут. Одноклеточная узнала, что жена восемью годами старше Мучителя; до самой своей свадьбы эта женщина была синим чулком, но не по призванию, а потому что была никому не нужна. Даже во время свадьбы она не совсем представляла, для чего выходят замуж. Бедняга, как она, наверное, мучилась в своей семье, если сбежала оттуда к Мучителю.

– Говоришь, сильно любит? – спросила Одноклеточная, чтобы что-нибудь спросить.

– Еще бы! Меня нельзя любить не сильно, – Мучитель раздулся от гордости, – ты же меня тоже сильно любила, помнишь?

– Да? – спросила Одноклеточная.

– Ну да.

– Да, – сказала она, – помню.

– Ну и дура тогда, – сказал Мучитель, – только все равно ты мне не нужна.

– Тогда я пойду? – спросила Одноклеточная.

– Иди, иди, – сказал Мучитель.

И она пошла. Около лежащего мужчины снег был красным, но уже чуть присыпанным сверху, будто мукой. Она дошла до конца переулка и только тогда обернулась. Машин не было.

«Буду называть его Мучителем, – продолжала писать она. – Сегодня я ему призналась в любви, хотя не люблю. Я никогда еще никому не признавалась в любви. И мне не было стыдно признаваться, только было стыдно потом. Он побил какого-то человека, а я стояла и смотрела. Про второе я не хотела писать, но напишу. Сегодня мне в двери ломился идиот. Сейчас он стоит на улице у дома. Наверное, простоит до самого утра. Не знаю, как я потом выйду. Пора спать.»

Но спать ей не хотелось. Она все вспоминала и вспоминала то чувство странной грусти, которое необъяснимо и неуместно посетило ее в тот момент, когда Мучитель нахамил ей. Что это было? Что это было? Она снимала слои воспоминаний, как реставратор снимает слои поздней бездарной краски, и наконец добралась.

Это случилось в первый раз – в самый первый день, когда она познакомилась с Мучителем.

Тогда они оба были совсем детьми.

Тогда они спускались по лестнице, и был оранжевый солнечный вечер. Так было, хотя этого не могло быть. Памятью разума Одноклеточная помнила, что то был обычный школьный день – день, а не вечер, – и вообще солнца не могло быть, потому что на школьной лестнице не было окон. Но какой-то другой памятью она помнила и широкое окно в стене, и оранжевый свет заката, и его слова, и свое молчание в ответ на его слова, и свои мысли в ответ на свое молчание. Она помнила, как это было – они спускались по школьной лестнице, и был оранжевый солнечный вечер. И тогда Мучитель сказал:

– Давай с тобой будем дружить всегда.

Она вначале не поняла его и переспросила:

– Как, всегда?

– Ну всегда-всегда. И никто нас не разлучит.

– До самой смерти?

– До самой смерти.

Она не ответила.

Он продолжал говорить что-то в том же духе, а она молчала. Наконец, она согласилась:

– Хорошо, мы будем дружить всегда.

И после этого она больше не говорила, а только думала. Она думала очень серьезно. Она думала о том, что такие слова не говорят просто так, и еще думала о том, какая она счастливая. Потому что такие слова говорят не всем. И был оранжевый вечер, которого не могло быть.

Было еще одно впечатление сегодняшнего дня, которое никак не хотело вспоминаться. Это мешало заснуть. Она лежала, глядя в темный потолок, перебирая память, как четки. И вот оно. Наконец.

Когда она в последний раз взглянула на Мучителя, то наконец поняла, что именно напоминало ей его лицо.

Напоминало все эти годы.

3

Протерозой, 10 марта

Лаборатория находилась на двадцать восьмом этаже. Большое окно подходило к самому полу, открывая распластанные перспективы родного города. Внизу ползали машины и трамваи. Трамваи были интереснее: они часто здоровались при встрече, включая фары, а иногда останавливались друг напротив друга и целовались, как малознакомые собачки – в щеку. Обычно целовались трамваи с одинаковыми номерами, но сегодня остановились второй и седьмой. «Извращение», подумала Одноклеточная и вернулась к работе.

По утрам она работала с крысами. С белыми, голохвостыми, лабораторными. Крысы, в отличие от людей, все имеют свое лицо и тем интересны. Это обстоятельство Одноклеточная заметила не сразу, но, заметив, сразу полюбила крыс, как родных. Особенно родной была Муся. Муся была добрым и застенчивым зверьком; на беговой дорожке она всегда пристраивалась сзади, за что и получала удары током. Одноклеточная на ее месте вела бы себя точно так же – она бы стеснялась расталкивать других крыс. За это Одноклеточная и любила Мусю, за характер. Вчера Муся перенесла одну из непонятных черепных операций (ради которых здесь, собственно, и держали крыс) и на сегодня ее избавили от обязательной беготни. Муся сидела на дне стеклянного ящика и смотрела на Одноклеточную. Сегодня она смотрела особенным, почти разумным взглядом – не на руки человека, а в глаза. «Муся, умничка ты моя», подумала Одноклеточная. Муся отвернулась, прочитав нежность во взгляде.

Одноклеточная сделала последние записи в журнале и еще раз взглянула на Мусю. Муся делала зарядку – беззвучно царапалась лапками о скользкое стекло, имитируя попытки выбраться. «До свидания, лапочка», подумала Одноклеточная и отправилась в кабинет хирурга.

Фамилия хирурга была Лист, это не позволяло догадаться о его национальности, зато позволяло практиковаться в угадывании. Лист имел большую рыжеватую шевелюру и усы, отращиваемые под Эйнштейна. Однако у великого Альберта усы подчеркивают печаль глаз и оттого сами выглядят чуть печально. Усы же Листа выглядели бодро, по-садамохусейновски. Визит к Листу был одной из неприятностей дня.

Одноклеточная прошла по пустому, совершенно белому и узкому, как щель, коридорчику. Длина ее шагов сократилась вполовину. Если Лист будет в настроении, то он не пригласит ее сесть, а взглянет снизу вверх из-за своего широкого стола и порадует новой медицинской шуточкой. «Одноклеточная, ты же бледная, как спирохета?» – например, спросит он, и Одноклеточная сразу покраснеет и опустит глаза. Но хуже, если он будет вежлив и пригласит сесть.

Она постучалась и приоткрыла дверь на полладони – так, чтобы в щелку мог пройти только звук, а не что-либо материальное.

– Можно?

Молчание. Боже мой, он сегодня не в духе.

Она сделала щелку шире и протиснулась в кабинет. Лист писал, не обращая на нее внимания. Не дописав четвертую строчку (Одноклеточная считала), он отложил ручку.

– Садитесь.

Она села.

– Ну? – спросил Лист и сделал спокойно-страшное лицо. Его лицо выглядело, как асфальтовая дорожка, которую видишь, перегнувшись над балконными перилами тридцатого этажа.

– Что ну? – тихо спросила Одноклеточная.

Лист помолчал еще немного.

– Ах, что ну? – спросил он с интонацией: ты виноват уж тем, что хочется мне кушать. – Это я вас спрашиваю что.

– Что? – опять спросила Одноклеточная.

– Это вы дали больным мяч? – Лист не выдержал игры в паузы.

– Да.

– А кто вам разрешил?

– Никто, – сказала Одноклеточная, – я больше не буду.

– А вы не такая уж простая, – сказал Лист.

Одноклеточная съежилась в кресле, чтобы выглядеть попроще.

– И не нужно мне притворяться! – сказал Лист. – Я понял все эти ваши попытки. Это все попытки завоевать дешевый авторитет. Вы бы работали лучше!

– Я и работаю, – сказала Одноклеточная, – я вам журнал принесла.

Лист взял журнал и начал листать. Он листал профессионально, почти не глядя и замечая абсолютно все. Он был медицинским гением. А характер – так все они, гении, одинаковы, подумала Одноклеточная с внутренним вздохом.

– Ага! – хищно обрадовался Лист, – в который раз вы невнимательно ведете записи!

– В который? – спросила Одноклеточная.

– Вот у вас, – сказал Лист, – записано, что прооперированная вчера крыса номер двести девяносто семь прошла Т-лабиринт девятого уровня за пятьдесят секунд.

– Да, – сказала Одноклеточная и вытянула шею, чтобы увидеть, что такого страшного она написала. Шея почти не растягивалась, а отклеиваться от кресла было страшновато.

– Этого не может быть, это чушь, – сказал Лист.

– Нет, я точно помню.

– Если точно, то проверьте данные еще раз, после окончания рабочего дня.

– Хорошо, проверю, – обрадовалась Одноклеточная, – можно идти?

– Идите.

Выйдя из кабинета, она постояла у окна, чтобы отдышаться. Серое небо мрачно глядело на грязно-серый двор лечебницы № 213. Всего в городе было около четырехсот лечебниц. Эти белые высотные здания, все одинаковой квадратно-столбовой архитектуры, знакомо выделялись на фоне убегающих перспектив города. Любые другие здания были ниже. Одноклеточная вздохнула и направилась к лифту.

Спортивный зал был на первом этаже. Больные жизнерадостно играли выпрошенным, наконец-то, мячом. «Попытка завоевать дешевый авторитет», вспомнила Одноклеточная и слегка кашлянула, прежде чем что-то сказать. Правда, в ее руках была папка, это меняло дело. Если отобрать у них мяч, то с папкой ничего не выйдет. Что же делать?

– Больные, пожалуйста, подойдите все сюда, – неуверенно сказала она. Ее услышали.

– Вот... (она не умела просить и поэтому всегда мучительно и неверно подбирала слова) вот, у меня эта папка...

Больные прекрасно знали папку.

– Ничего не получится, – сказал один из больных, – если вы отберете у нас мяч, то никто не согласится.

– Но вот, эта папка... – продолжала Одноклеточная.

– Да все понятно, – сказал больной, – вы оставляете нам мяч, а я вам сделаю папку, договорились?

– Договорились, – сказала Одноклеточная.

Наверное, это и называется дешевым авторитетом, подумала она.

Одноклеточная отдала папку. Они пошли к раздевалке, разговаривая по пути.

– Но это же все чушь, – сказал больной.

– Да, все чушь, – сказала Одноклеточная, одновременно соглашаясь и отвечая собственным мыслям. И то, и другое прибавляло смелости.

– Тогда зачем все это делать? – спросил больной.

– Вы прекрасно знаете зачем, – сказала Одноклеточная, – вы прекрасно знаете, что в стране всеобщее обязательное среднее здравоохранение, поэтому каждый обязан лечиться по три часа в день, кроме субботы и воскресенья. Это огромное достижение, в других странах этого нет.

– А вы были в других странах?

– Нет, но это же и так понятно. Бесплатное среднее здравоохранение, доступное каждому, – это замечательно. Если люди здоровы, то они хорошо работают, приносят пользу себе и обществу, хорошо живут.

– А кому нужны папки?

– Ну, папки-то никому не нужны, – согласилась Одноклеточная. – Только ведь есть закон об обязательном среднем здравоохранении. Раз закон есть, то его нужно выполнять. Если хоть один человек будет уклоняться от охраны здоровья, это уже нарушение закона. Законы нарушать нельзя. За месяц кто-то обязательно умрет, а кто-то обязательно родится. Поэтому переписывать население нужно каждый месяц.

– А зачем же вы сжигаете папки и переписываете всех заново? – спросил больной.

– Неужели непонятно? Ведь если папки не сжигать, то кто-то недобросовестно подложит старую папку вместо новой. Кому же хочется каждый месяц ходить и переписывать заново людей?

– Ладно, – сказал больной, – но все равно, я бы в эти ваши лечебницы не ходил. Какой от них толк, если все равно нет лекарств?

– Это сейчас нет лекарств, потому что у нас экономический кризис. Когда-нибудь он кончится.

– А экономический кризис потому, что никто не работает, все только лечатся, – заметил больной.

– Но мы же лечим не только лекарствами, есть еще травы, народная медицина, общие занятия по гигиене, просто отдых. Все это полезно. И мы вас воспитываем, лечим душу.

– Угу, – сказал больной и замолчал.

Они вышли на улицу. Одноклеточная подробно объяснила больному, где находится нужный дом № 204/2. Больной вежливо выслушал. Одноклеточная знала, что все папки пишутся больными, и все они пишутся под копирку, в двух экземплярах; и никого переписывать он не станет, а погуляет свои три часа на воле, а потом принесет папку месячной давности, которая на самом деле есть папка многомесячной давности. Или многолетней. Но сама Одноклеточная не могла делать перепись населения. Однажды, несколько лет назад, она попробовала – и первая же старушка отказалась назвать свое имя. Старушке очень не хотелось идти в лечебницу. На уговоры старушка не поддавалась.

На улице Одноклеточную поджидал знакомый идиот. Он оказался совсем не опасным, а только прилипчивым и добрым; он ходил за Одноклеточной, как собачка. Документов у идиота не было, поэтому ходить в лечебницу его не заставляли.

«А, собственно, почему? – подумала Одноклеточная. – Он же не хуже других.»

Идиот многое понимал, но говорить не мог. Одноклеточная подозвала его.

– Хочешь, пойдем обедать? – спросила она.

– Эээ.

– Ну пойдем, – она сделала приглашающий жест. Идиот отошел в сторону.

«И тут у меня не вышло, – подумала она, – такая я несчастливая.»

К концу дня она снова зашла в кабинет Листа.

– За мной уже неделю ходит больной человек, – сказала она. – Он психически болен, у него нет документов. Поэтому он не лечится. Это неправильно.

– Что это ты трепещешь, как предсердие? – пошутил Лист. – Он тебе родственник?

– Нет, просто так; это нарушение правил.

– Так, говоришь, нет документов?

– И никто о нем не заботится.

– Это не твоя забота, – сказал Лист и записал несколько слов, – правда, мы можем его поймать и лечить.

– И вылечим?

– Нет, не вылечим. Но ведь закон обязывает нас лечить каждого, а не излечивать. Поэтому нарушения правил не будет.

– Но у него же нет документов, как мы его оформим?

– Ладно, – сказал Лист, – не хочешь – не надо.

– Тогда я пойду? – спросила Одноклеточная. – Мне еще работать с крысами.

– Не нужно, – сказал Лист, – я уже все проверил сам.

Он протянул ей журнал. Одноклеточная прочла.

– Но этого не может быть, – удивилась она.

– Чего не может быть? Ты имеешь в виду интеллект?

– Нет, просто крыса номер двести девяносто семь никогда бы не набросилась на своих сородичей. А тем более на человека. Она очень добрая. За это ее все обижают, а она – никого.

– Вот как? Твоя любимая крыса за сегодняшний день загрызла уже четырех, среди них двух старых самцов по триста грамм каждый. А ты говоришь, что ее обижают. Но это важная информация.

Он снова записал.

– Я заметила в ней одну странность, – сказала Одноклеточная, – сегодня утром она смотрела не на мои руки, а в глаза. Я была удивлена.

Лист записал и это.

– А теперь, – сказал он, – тебя ждет один сюрприз. Ты любишь сюрпризы?

Одноклеточная пожала плечами.

– Это будет большой сюрприз. Увидишь, как только выйдешь за двери.

– Значит, мне идти? – спросила Одноклеточная.

– Иди. Может быть, ты уходишь надолго.

Она обернулась.

– А как же двести девяносто седьмая? Кто будет за ней ухаживать?

– Никто не будет, – сказал Лист, – потому что я уже взял ее мозг для исследований. Я вас не задерживаю.

Когда Одноклеточная вышла, он посидел с минуту неподвижно, прислушиваясь к звукам за дверью. Ничего необычного он не услышал. Потом он взглянул на записи в блокноте. «Возможен эксп. на Ч. – без документов!» – третья запись с конца.

4

– А вот и вы, – сказал человечек и протянул к ней руку с черной книжечкой, – сейчас вы пройдете со мной.

– Зачем? – спросила Одноклеточная.

– Вам наручники надевать или нет? Если будете спрашивать – надену.

– Не буду, – согласилась Одноклеточная – лучше не надевайте.

– А если вздумаете бежать, – сказал человечек, – то я вас поймаю или застрелю. Вижу, что вы уже собрались бежать. Не выйдет.

– Нет, я не буду.

– Правильно, – человечек похлопал себя по боку, – у меня пистолет. И не думайте, что я маленький, я метр пятьдесят пять. А маленькие всегда быстро бегают. Вы замечали, что среди чемпионов по спринту все маленькие?

– Правда? – спросила Одноклеточная. Она совсем не испугалась, она слишком верила в человеческую доброту.

Разговаривая, они спустились в лифте и пошли по улице. Человечек держался за ее руку и говорил о пустяках.

– Жаль, что нет машины, – сказал он, – мы бы вас гораздо скорее доставили.

– Жаль, – согласилась Одноклеточная.

– Да нет, машина есть, но бензин нужно экономить, – сказал человечек, – и пешком ходить полезнее. Хотя в вашей-то ситуации...

Через полчаса они пришли в центр Охраны Порядка. Двухэтажное здание ничем не отличалось от окружающих построек. Немая дверь (без всякой таблички) открывалась в длинный коридор со многими боковыми дверями. Изнутри здание казалось большим, чем снаружи. Блестели панели цвета запекшейся крови.

– А вы хорошо держитесь, – сказал человечек, – мне бы ваши нервы.

– Спасибо, – сказала Одноклеточная.

Они вошли в одну из пронумерованных комнат второго этажа. В комнате был стол, стул, человек за столом, грязная деревянная табуретка и зарешеченное окно. За окном по-весеннему громко пищали друг на друга воробьи.

«Наверно, скоро будет лето. Скорей бы», подумала Одноклеточная.

Ее пригласили сесть.

– Так, значит, ваша фамилия, имя и отчество, – сказал человек за столом и посмотрел на нее волчьим взглядом. На его столе лежал листок с заранее написанными фамилией, именем и отчеством Одноклеточной.

Она назвала себя.

– Правда, – сказал человек с интонацией: удивительно, но тебе меня не удивить.

Одноклеточная рассматривала его – узкие плечи, большая голова, кожистое лицо, брови особенной величины.

– Вот, – сказал человек, – вот ты и попалась.

Одноклеточная сразу обиделась, но не на прямолинейность мнения, а на то, что ее назвали на «ты». Как будто обращаются к мелкому воришке. Конечно, она ничего не сказала.

Человек за столом вдруг потерял к ней интерес. Он открыл книгу и с преувеличенным вниманием начал ее перелистывать. Книга была зачитанная, с черной подклейкой из бумаги.

– Давай, давай, рассказывай, – продолжил он, не отрываясь от книги. Напротив, он стал читать внимательнее, двигая головой, кладя голову на бок, когда показывал, что читает начало четной страницы. Одноклеточная не видела его глаз, видела, как шевелятся ресницы: вверх-вниз. Он читал не по строчкам.

– Про что рассказывать?

– Рассказывай, чем ты занимаешься.

Он взял ручку и перевернул ее пером вверх. Одноклеточная смотрела на его волосатое запястье, изогнутое по-обезьяньему. Она началась рассказывать, и человек стал писать.

– Я работаю в лечебнице номер 213. Работаю с людьми и с крысами – они белые, лабораторные.

– Ах вот как! – обрадовался человек и быстро-быстро задвигал ручкой. Одноклеточная видела, что лист остается пустым. Человек только притворился, что пишет.

– Да, с крысами. Они для операций. Операции на них делает доктор Лист. Он гениальный хирург, другого такого нет. (Рассказывая, она постепенно воодушевлялась.) Вы знаете, что он сделал? Он научился восстанавливать нервную ткань.

– Нервные клетки не восстанавливаются, – сказал человек с интонацией школьника, вспоминающего таблицу умножения.

– Конечно, нервные клетки не делятся, – согласилась Одноклеточная, – но ведь мозг ребенка растет, значит, не делятся только взрослые клетки. Значит, если взять клетки мозга новорожденного крысенка и поместить в мозг взрослого животного, они могут делиться и восстанавливать повреждения. Вы знаете, что нервные клетки мигрируют? Что они сами передвигаются к нужному месту? Доктор Лист смог восстановить перерезанный спинной мозг и смог излечить крысу после лоботомии. Ему удалось лечить даже старческие нарушения. Вы представляете, как много это значит для человека?

– Как тебе нравится мой загар? – спросил человек, обращаясь к Одноклеточной. И сразу же обратился к человечку:– Смотри, как я ее сбил!

– Здорово, – ответил человечек, – будет знать теперь, как врать.

Одноклеточная растерялась. Она только сейчас заметила, что лицо человека было очень загорелым, несмотря на раннюю весну. Загар придавал лицу мужественность.

– Давай, рассказывай дальше, – сказал человек.

Справившись со смущением, она продолжала.

– Да, может быть когда-нибудь удастся решить проблему старения. Но даже это не главное. Сегодня утром одна прооперированная крыса, по имени Муся, показала удивительные результаты, у нее повысился интеллект.

– Инте-что? – поинтересовался человек.

– Уровень общих способностей. За одни сутки она стала в несколько раз умнее. Она стала умнее собаки.

– Правда?

– Правда. Но есть, конечно, непонятности. Например, она загрызла четырех других крыс, очень сильных, а сама была добрая и слабая. Не знаю, почему это случилось.

– Где ты была утром четвертого марта? – отдельно произнес человек, вскинув на нее чересчур спокойные глаза. Вместо глаз он выпучил губы. – Смотри, а я ее опять сбил, – сказал он, обращаясь к человечку, – давай, теперь самое время!

Человечек взял обеими руками маленькую табуретку и занес ее над головой Одноклеточной. Она ничего не поняла.

– Поставь на место, – сказал человек, – не вышло, она не испугалась. Она слишком крепкий орешек.

– Еще бы, – сказал человечек и печально сел на табуретку, отчего стал еще меньше. – У нее нервы, как канаты. Я заметил сразу.

– Так где ты была утром четвертого марта? – Он повторил вопрос все с тем же выпученным выражением губ.

– Шла на работу, если это не выходной. А может, уже была на работе. Я работаю с девяти.

– Она работает с девяти, – сказал человек и посмотрел на потолок. Одноклеточная тоже подняла глаза. Потолок был интересный, лепной. По углам свисали четыре гипсовых прыща, все остальное было в гипсовых цветах и лентах. Ленты были в пыли. Одноклеточная впервые видела пыль вверх ногами.

– Ладно, теперь рассказывай о своих друзьях.

– У меня нет друзей, – призналась Одноклеточная.

– Тогда рассказывай о своих любовниках, – предложил человек.

– И любовников у меня тоже нет.

– Ни одного? Тебе сколько лет?

– Двадцать пять.

– В двадцать пять обязательно есть любовники. Ты мне не ври, я лучше знаю.

– А у меня нет.

Человек протянул длинную обезьянью руку и пощупал ее плечи.

– Что вы делаете? – шепотом возмутилась Одноклеточная.

– Проверяю, не растут ли крылышки. Ты ведь у нас суший ангел.

– Ну как, не растут? – поинтересовался человек со своей табуретки.

– Нет, не растут. Но мы ее опять не раскололи. Сейчас попробуем еще разок.

Он положил перед Одноклеточной несколько фотографий. Фотографии были очень мутными.

– Узнаешь? – спросил он.

– Но ведь здесь ничего не видно.

– Не видно потому, что снимали издали и шел снег. Но я тебе объясню. Вот эти темные пятна – это стоят машины. А это ты – разговариваешь сама знаешь с кем. А там дальше (здесь этого не видно) пятеро убивают человека. А ты стоишь и спокойно разговариваешь, сама знаешь с кем. Ну, как я тебя расколол?

– Так вы все время были там? – удивилась Одноклеточная. – И вы не помогли?

– Вас было семеро вооруженных, а нас только трое и на троих один пистолет.

– Но вы же знали заранее?

– Конечно, знали.

– Почему же вы не предупредили того человека?

– А как бы мы, по-твоему, сделали эти фотографии? И как бы мы тебя поймали? А теперь поймали – не выкрутишься. Я ее наконец расколол, – добавил он, обращаясь к человечку.

– Ага, я тоже заметил, – сказал человечек.

– Теперь выкладывай, – сказал человек и начал водить пером над бумагой. Бумага оставалась чистой.

– Да что рассказывать. Я оказалась там случайно. Через этот переулок я хожу каждый день, на работу и с работы. Я увидела, как приехали машины, а из машин вышли люди. Один из них был моим одноклассником. Но это было десять лет назад. Я даже не помню, как его зовут.

– Как это?

– Просто я всегда называла его Мучителем. Я его так и запомнила. Еще я про него знаю, что он женат, а жена его на шесть (она чуть соврала из жалости), на шесть лет старше. И жена его очень любит. А больше я ничего не знаю, правда.

За перегородкой послышался тупой удар и за ним всхлип и плаксивое бормотание. Человек вскинул голову, затем гордо и неспешно повернулся в сторону звука, затем прищурил глаза, изображая глубокое понимание сути событий, затем произвел все те же эволюции в обратном порядке.

– Как тебе нравится мой загар? – снова спросил он. И добавил, обращаясь к человечку:

– Кажется, я ее опять не сбил.

Человечек промолчал.

- Мне больше нечего рассказывать, – сказала Одноклеточная, – можно я пойду?
- Она действительно ходит там каждый день? – спросил человек.
- Правда, – ответил человечек, – я проверял.
- Хорошо проверял?
- Хорошо.
- Значит, она нас провела. Она специально выбрала этот переулок, чтобы мы ничего не доказали.
- Но тогда она у них главная? – предположил человечек.
- Конечно, главная. Но попробуй докажи.
- Он отложил в сторону чистый лист бумаги и снова перевернул ручку пером вверх. Некоторое время он листал книгу, не обращая внимания на Одноклеточную.
- Мне можно идти? – повторила она.
- Человек удивленно оторвался от книги.
- А что ты здесь делаешь до сих пор?
- Я пошла?
- Пошла, пошла.
- Когда Одноклеточная вышла, человек отложил книгу на край стола. Книга называлась «Устройства для загара и как их использовать».
- Ну что, плохо? – сказал он.
- Плохо, – откликнулся человечек.
- Слишком крутая. Я ее дважды спрашивал о загаре и ни разу она не сбилась. Ты заметил?
- Заметил.
- И табуретки она не испугалась.
- Не испугалась, – сказал человечек, – а может быть, стоило ее?..
- Нет, она слишком серьезный противник. За ней большая сила.
- И какая наглая! – возмутился человечек. – Так прямо и заявила: «Нет у меня любовников». Совсем не боится врать. Видно, не в первый раз.
- Да, тертый орешек, – согласился человек.
- А может, за ней проследить? – спросил человечек.
- Вот это обязательно. Начнем сразу, пока она далеко не ушла.
- И он потянулся к телефонной трубке.

5

Пять чувств человек имел только во времена Аристотеля.

Есть чувство первого снега и совсем иное чувство последнего. Есть чувство начала зимы и несравненное ни с чем чувство приближения ее конца. Это чувство медленно нарастает независимо от любых природных метаморфоз. Есть чувство последних дней зимы и есть чувство последних ее часов. Пять чувств человек имел только во времена Аристотеля – теперь мы стали тоньше.

Перед закатом появились первые разрывы в облаках – корявые и одновременно элегантные, как буквы готического шрифта, выписанные темно-синей тушью. Облака окрасили свои животики в шоколадный цвет и поплыли на запад, темнея до черноты и радуясь собственному хамелеонству. Одноклеточная вдруг поняла, что начинается весна. Это ощущение было столь неожиданным, что она посмотрела на часы. Около шести. Она остановилась, чтобы взглянуть на облака, и потом пошла очень медленно, замечая все вокруг. Как много можно увидеть, когда идешь медленно, думала она, – те, которые идут по улице быстро, остаются внутри себя. И только сбившись с ритма, замедлив шаг хотя бы вполовину, можно увидеть, можно почувствовать, что все вечно вокруг нас. А то немногое, что брэнно, не заслуживает внимания. Люди – как слепые икринки, плывущие в теплом океане вечного. В них уже бьется сердце, но видеть и слышать они еще не умеют. Некоторые уже могут прислушиваться и удивляться собственному непониманию. Что вырастет со временем из этих икринок?

«Объект движется медленно, все время что-то высматривает», – шептала в рацию человеческая тень. Тень скользила у самых стен домов с неосвещенными нижними этажами магазинов; тень сливалась с тенью. «Объект смотрит по сторонам, наверное, ожидает встречи. Продолжаю наблюдать».

Окна верхних этажей уже светились. Одноклеточная шла у девятиэтажной китайской стены, сверху раскрашенной пятнышками света. Облака убегали за стену, отражая слабый свет ночного города. Между ними проваливались вверх чернильно-беззвездные полосы. Одноклеточная почти остановилась. Безобидный идиот, следующий за ней, решил подождать – остановился и стал раскачивать плечом давно мертвую телефонную будку.

«За объектом идет хвост, – прошептала в рацию тень, – видимо, соперничают две преступных группы. Меня хвост не замечает. Объект остановился. Хвост остановился тоже, спрятался за телефон».

«Передайте приметы», – проговорила рация.

«Шшш, – сказала тень, – говорите тише, они нас услышат».

«Передайте приметы», – прошептала рация.

«Не слышу, – прошептала тень и приложила рацию к уху, – ага, передаю приметы. Хвост высокого роста, одет плохо – для маскировки. Сильный. Раскачивает будку телефона. Силу некуда девать. А походка странная. Проверьте приметы».

«Проверяю», – прошептала рация и выключилась.

Как странно все, думала Одноклеточная, глядя на облака. Живешь, будто на картине сюрреалиста, но не в центре картины и даже не на холсте, а далеко за холстом – где-то на подразумеваемых окраинах вымышленной реальности. И так привыкаешь, что даже не замечаешь этой странности. А мир так невыносимо странен. И ты постоянно догадываешься, что существует настоящий мир...

Навстречу шла девушка, играющая апельсином. Апельсин; апель-син; эппл-син; син-эппл; sin-apple; яблоко греха; новая Ева идет, играя новым яблоком греха, идет к своему муж-

чине. Девушка подбрасывала апельсин и ловила, подбрасывала и ловила, подбрасывала одной рукой и ловила другой. С яблоком греха обязательно идут к мужчине – где же он? Вот он. Мужчина стоял совсем рядом, под яркой лампой, освещавшей щель между двумя магазинами. Красавец. Чуть восточные черты лица. Но с возрастом восточность выйдет на поверхность. Такое лицо мог бы иметь Тамерлан, Тамерлан между Ходжа-Ильгаром и Самаркандом, будущий Тамерлан, тот Тамерлан, который так и не смог завоевать весь мир.

Будущий Тамерлан заложил руки за голову и потянулся. У него слишком гордая посадка головы. И какая тонкость кожи, тонкость бровей, всех черт... Сквозь тонкую кожу просвечивают полудетали черепной архитектуры и тончайшие нити упругих лицевых мышц...

Будущий Тамерлан жевал жвачку. От постоянного жевания его челюстные мышцы развились, как бицепсы профессионального атлета. Мышцы переливались при каждом движении челюстей. Увидев женщину с апельсином, он вынул из кармана голубой мягкий блокнот и что-то в нем прочел. Одноклеточная успела заметить расположение строк; строки напоминали стихи. Она слегка умилилась. Женщина с апельсином бросилась к Тамерлану. Его лицо не изменило гордого выражения и жвачку он не выплюнул. Одноклеточная засмузилась и, отвернувшись, пошла дальше.

«Передаю, – включилась рация, – точное определение затруднено. Высокий рост – 454 человека; странная походка – 512 человек: плохо одет – 0 человек; привычка ломать телефоны – двести тысяч человек в городе, примерно. Ни у одного из преступников совпадения всех примет не отмечено».

«Занесите в картотеку», – прошептала тень.

«Уже занесли, не дураки», – ответила рация.

«Тут еще двое, целуются».

«Будем брать?»

«Будем, присылайте подмогу», – прошептала тень.

«Уже прислали, не дураки», – ответила рация.

Одноклеточная услышала шаги сзади. Она еще не успела обернуться, как Тамерлан с девушкой пробежали мимо и на ходу сорвали с нее сиреневый вязаный берет. Берет был пушистым, но нелюбимым. Тамерлан с девушкой убежали, смеялись. Добежав до конца китайской стены (стена уже расцвела огоньками до самого низа), они бросили берет в лужу и свернули за угол, в тень черных деревьев. Деревья тоже чувствовали весну и наливались соками, и раздувались соками, и раздували пупырышки будущих почек, и дышали, и излучали любовь, и волновались сами, и рождали волнение. Будущий Тамерлан прижал девушку к стволу. Дерево вздрогнуло и вздохнуло. Девушка обняла Тамерлана за шею, потом стала играть апельсином над его головой.

– Ой, задушишь! – вскрикнула она.

– Задушу, – сказал будущий Тамерлан.

– А вот и не задушишь, не задушишь, – сказала девушка.

– Нет, задушу, – сказал Тамерлан и вдруг почувствовал, как его взяли под локти. Он узнал хватку и решил не сопротивляться.

– Ой, а где мой апельсин? – вскрикнула девушка.

– Был твой, а стал мой, – ответила тень.

– Ненадушки! – сказала девушка. – Я его сама на базаре купила!

«Бабу я буду обыскивать, понял?» – сказала одна тень.

«Еще чего! – возмутилась другая. – Ты же в прошлый раз обыскивал».

«А ты что, против?»

«Против, но я так не думаю», – загадочно ответила другая тень.

«Это хорошо, – сказала первая, – старшим нужно уступать, особенно старшим по званию. Я ее обыщу, а потом и тебе дам пообыскивать, пойдет?»

«Пойдет», – сказала вторая тень.

Одноклеточная не очень расстроилась из-за берета, все равно он был нелюбимым. Ее занимала мысль о непередаваемой странности жизни. И еще она поняла, что в блокноте будущего Тамерлана были не стихи, а имена, чтобы не перепутать. От этого ей было немного грустно. Но грустно ей было всегда.

Дойдя до конца китайской стены, она не обратила внимания на свой берет, лежащий в луже. Она переправилась через полузатопленную трамвайную колею и пошла к недалекому дому.

«Задержаны двое на углу Двенадцатой Стрит и Третьей Авеню, – передавала по радию тень, – у задержанных ничего не обнаружено. Переданный им предмет успели выбросить».

«Хитрецы», – сказала рация.

«Так что, отпускать?» – спросила тень.

«Отпускайте, – сказала рация, – ищите то, что они выбросили».

«Есть!» – сказала тень.

Две другие тени в это время шли по весеннему саду и обсуждали, как им поделить апельсин.

«Я возьму весь», – сказала старшая по званию.

«Так нечестно, ты в прошлый раз весь взял», – ответила младшая.

«Ну я же тебе дал ее обыскать».

«А я хочу апельсин, хоть немножечко. Я давно не ел апельсинов».

«Не дам», – сказала старшая.

«Хорошо, – согласилась младшая, – может, хоть шкурки дашь?»

«А зачем тебе шкурки?»

«Чтобы моль травить. Развелась – покою нету».

«Хорошо, дам тебе шкурки», – согласилась старшая по званию.

Одноклеточная подошла к дому, с опаской выглядывая соседских детей. Соседских детей поблизости не было. Она облегченно вздохнула; ей стало совсем не страшно. Где-то высоко хрустко оторвалась сосулька. Одноклеточная посмотрела вверх, на несущуюся огромную массу и отступила на шаг. Сосулька грохнулась на асфальт, взорвалась фонтаном осколков. Одноклеточная прикрыла лицо рукавом, потом стряхнула с одежды куски льда. Как хорошо, что детей нет сегодня, радостно подумала она и вошла в дом.

Она поднялась в мусорном ободранном лифте, в лифте кошмарном, как очередной сон Веры Павловны, вышла, подошла к двери.

Дверь была не заперта.

«Это я забыла запереть», – неуверенно приободрила она сама себя.

Она потянула дверь.

– Кто здесь? – она почувствовала, что кто-то есть.

– Это я, – ответил голос.

– Кто – я? – спросила Одноклеточная.

– Ты что, Инфузория, меня не ждала? – спросил Мучитель.

– Не ждала.

Она вошла. Это был всего лишь Мучитель.

– Правда, не ждала?

– Правда.

– Понятно, я так давно не заходил, – оправдался Мучитель, – но ты же надеялась, что я приду?

– Надеялась, – сказала Одноклеточная.

– А зря надеялась, – сказал Мучитель, – я бы к тебе никогда не зашел, если бы не дело. Зачем ты мне нужна? А где у тебя свет?

Одноклеточная включила свет и заперла дверь.

Мучитель осмотрелся.

– Где у тебя выпить? – спросил он и посмотрел на холодильник.

Одноклеточная покачала головой.

– Что, не здесь, а где?

– Нету, – сказала Одноклеточная.

– Ты даешь, Инфузория, – огорчился Мучитель, – не надо пить самой, надо гостей ждать.

Он включил телевизор.

«Нас спасет только всеобщее единение и согласие», – сказал телевизор и, мигнув, расправил голубой огонек.

«А как вы это представляете?» – спросил журналист.

«А моя программа направлена на всеобщее единение и согласие».

Мучитель выключил телевизор.

– Так я у тебя по делу, – сказал он.

– А меня сегодня допрашивали, – ответила Одноклеточная.

– Что ты им сказала?

– Ничего не сказал.

– Врешь.

– Правда, ничего.

– Смотри, если врешь, то я тебя найду. Я бы тебя и сейчас, но ты пока нужна. А вообще мы свидетелей не оставляем, так что готовься.

– Спасибо, – сказала Одноклеточная.

– У меня дело важное, – сказала Мучитель, – ты работаешь с крысами, да?

– Да?

– И с таким знаменитым врачом, который им головы режет, да?

– Да.

– Тогда передай ему, что мы заплатим зелеными. Запомнила?

– И все?

– Пока хватит. Не угостишь?

– Нет, не угощу, – сказала Одноклеточная.

Когда Мучитель ушел, она попробовала включить телевизор, но там, вопреки программе, передавали одно и то же, но разными словами. Она посмотрела немного и выключила. Сосульки над окном не было и окно казалось осиротевшим. Она выключила свет и подошла к окну.

Внизу под провалом Второй Аvenues, синели яркие лампы. Добрый идиот стоял на своем обычном месте. У тротуаров блестели лужи. Откуда-то снизу вырвалась машина и, вильнув, прилипла к тротуарному бортику, выбрызгала лужу на идиота. Улицы специально делают так, чтобы удобнее было брызгаться, подумала Одноклеточная.

Машина была знакомая.

Машина повернула, вернулась и на предельной скорости промчалась под окнами. Потом стала выписывать круги и восьмерки – ширина Второй Аvenues позволяла. Из окна машины торчали две босые ноги. Ноги раскачивались в такт неслышимой музыке.

Конечно, это он, подумала Одноклеточная.

6

Протерозой, 14 марта.

Человек, неспособный спасти человека, может поупражняться в спасении человечества. На этом поприще ему обеспечен если не успех, то хотя бы слава.

Совещания в лечебнице № 213 созывались каждое утро, каждую неделю и каждый месяц. Были еще квартальные и годовые совещания, но о них мало кто помнил – так невидимы высокие деревья за мелкой, но густой порослью молодого леса. Четырнадцатого марта проводилось месячное совещание, по обмену передовым опытом. Так как в самой лечебнице процент излечений постоянно падал, а спонтанная заболеваемость росла и уже перехлестывала за этот процент, то для обмена опытом было решено пригласить людей со стороны.

Одноклеточная пришла за двадцать минут до начала, чтобы занять одну из задних скамеек, которые пользовались особой популярностью. Она надеялась, что рядом никто не сядет, но ошиблась: доктор Лист выбрал место слева от нее. Она понадеялась, что это случайность, но снова ошиблась.

Заезжие ораторы были из тех, кто упражняется в спасении человечества.

Первым выступал странного вида старик с кондовой таежной фамилией Порфирьев. Фамилия, правда, могла оказаться изысканно-монархической, но Одноклеточная сразу отбросила такую мысль.

Порфирьев имел седую бороду а ля удвоенный Карл Маркс. Одет он был в нечто старое и грязное, точнее, одетой была лишь нижняя его половина. «Спасение от всех болезней, – проповедовал Порфирьев, – в слиянии с природой. Все мы дети природы, чем сильнее мы с нею сливаемся, тем лучше. Лекарства отравляют человека, образование мутит его разум, но мать-природа... и т. д.» Порфирьев уговаривал гулять голыми по снегу, пить родниковую воду, отвернуться от женщин и свято блюсти придуманные им заповеди-малютки. Его слушали внимательно, но поаплодировали лишь несколько старушек. Насчет женщин Одноклеточная не совсем поняла, это как-то не вязалось с возвращением к природе.

«Сюда я пришел босиком, через весь город, через всю страну. Я совершенно здоров и тело мое не чувствует холода», – говорил Порфирьев.

Лист неожиданно наклонился к Одноклеточной и заметил: «Это больной человек – атрофировались кожные рецепторы, это во-первых; внешний вид говорит об истероидной психопатии, это во-вторых».

– Что вы! – сказала Одноклеточная, – его же знает вся страна.

– Ах вот как.

– Конечно. Вся страна не может ошибаться.

– Не может, – беспечно согласился доктор Лист, – Одноклеточная, вы мне нужны. Пока не появился очередной спаситель человечества, давайте поговорим.

Одноклеточная кивнула.

– Вы хотите работать со мной?

Одноклеточная кивнула снова и добавила:

– Но я так мало умею...

– Это ничего. Вы согласны?

– Согласна.

– Тогда мне нужен тот идиот, который ходит за вами. Я собираюсь его вылечить.

– Но ведь его вылечить нельзя, значит, ему лечение не нужно.

– Вы сказали важную мысль, Одноклеточная. Тем, кого вылечить нельзя, лечение не нужно. Это относится не только к медицине.

Одноклеточная не поняла.

– Нет, я имела в виду, что если больной безнадежен, то лечение лишь озлобляет и мучит его, превращает последние так-сяк счастливые его дни в кошмар. А закон обязывает лечить всех, даже если лечить нечем, даже если не нужно.

На трибуну поднялся следующий оратор.

– Дорогие сограждане, – начал он, – долгое время шарлатаны от медицины замалчивали мой метод и как могли преследовали меня.

– Тех, кому лечение не нужно, вылечить нельзя, – заметил Лист насчет выступавшего. Одноклеточная снова не поняла и почувствовала себя безнадежно глупой.

– Но им не удалось меня уничтожить, – продолжал оратор, – ни меня, ни моих последователей, потому что мой метод позволяет лечить все болезни: астму, гипертонию, цирроз печени (он произнес через три «р»), рак, венерические заболевания, чуму, холеру и другие продукты разложения западных цивилизаций. Я нашел причину всех болезней – она в дыхании. Эй, поднимитесь кто-нибудь сюда.

Он позвал из зала молодого человека.

– Так, смотрите, сейчас я продемонстрирую, что все человеческие болезни возникают из-за недостатка кислорода.

Он зажал молодому человеку рот и нос. Прошла минута тишины. Молодой человек стал вырываться. Еще через полминуты он беспомощно повис на руках у целителя.

– Вот видите, как плохо человеку, когда он ощущает недостаток кислорода. Видите, как глубоко он дышит, чтобы снова стать здоровым. Именно так – глубоким дыханием можно излечиться от всех болезней. Я приглашаю всех желающих в мою клинику глубокого дыхания, где обещаю излечить любого. Курс лечения делится на две стадии. На первой мы объясняем больному причины его болезни. Как мы это делаем, вы только что видели. После первой пробы больной обычно еще не убежден во всемогуществе моего метода. Но мы повторяем пробы снова и снова, пока он с нами не согласится. Молодой человек, давайте попробуем еще раз.

Молодой человек отказался.

– Правда, есть люди, – продолжал целитель, – которые и после сотни проб не могут поверить во всемогущество глубокого дыхания. Такие люди являются идиотами – и это единственная болезнь, которая не поддается моему методу лечения. Иногда после десятка проб больной начинает чувствовать себя хуже, иногда у него бывают кровотечения, иногда он может умереть. Но это не страшно, просто путь к выздоровлению нелегок.

Лист снова наклонился к Одноклеточной.

– С таким же успехом, – сказал он, – можно объявить причиной всех болезней стояние на голове. Давайте перевернем этого параноика вверх ногами и подержим несколько минут. И повторим так сто раз. Пусть попробует не признать, что причина всех болезней в хождении на голове.

Одноклеточная засмеялась.

– Сейчас я буду выступать с докладом, – продолжил доктор Лист, – после одного экстрасенса. Внимательно слушайте все, что я буду говорить.

К микрофону вышел экстрасенс. Он долго и невнятно рассказывал об ауре, о множественности миров, о том, что он всех видит насквозь и умнее всех присутствующих, вместе взятых, а потом пригласил всех записаться к нему учениками.

– Приходите в мой центр, – говорил экстрасенс, – и я открою вам ясновидение и второе зрение, научу излечивать любые болезни, даже по фотографии, на расстоянии или по имени. Срок обучения – пять дней. Обучение платное. По окончании все получают диплом международного целителя, который действителен в любой стране мира.

Под конец его попросили продемонстрировать что-нибудь.

– Я умнее всех вас, – обиделся экстрасенс, – а вы хотите меня поймать? Не выйдет.

За ним выступал доктор Лист.

Листа мало кто слушал – люди устали и ожидали конца совещания. Некоторые заполняли лабораторные журналы или заполняли планы лечения на год вперед. (По каждому больному составлялся план лечения, хотя никто не знал, что будет с больным через год. Однажды составленный и заверенный план бросали под стол и больше оттуда не вынимали. За несколько лет собиралось так много планов, что они начинали высыпаться из-под столов. Но без планов лечить запрещалось.) Больные также присутствовали на совещании. Лишенные даже бумажной работы, они невыносимо скучали, поэтому даже совещания были для них развлечением. Они развлекались изо всех сил.

Один из больных уснул, откинув голову назад. Его рот открылся. Сразу же кто-то поймал муху и, с беззвучными клоунскими гримасами, бросил муху в открытый рот. Все замерли, ожидая. Ничего не произошло. Открытый рот чуть задвигался и проглотил муху. Раздался тихий гул разочарованных голосов.

– Сначала мы собирались лечить травматические повреждения, – докладывал доктор Лист, – это наши самые первые эксперименты. Я могу с уверенностью утверждать, что сейчас мы способны восстанавливать даже повреждения человеческого мозга. Первые эксперименты над человеком не за горами. Нашими первыми пациентами будут люди, попавшие в аварию, или больные с послеоперационными осложнениями...

Веселье продолжалось. Один из больных нырнул под стул и стал связывать спящему шнурки. Закончив манипуляции, он огляделся с гордым видом. Его никто не поддержал. Последовало недолгое обсуждение. Больной снова опустился под стул и стал что-то делать со шнурками. Когда он поднялся, оба шнурка были в его руке. Это было только началом спектакля. Одноклеточная снова попыталась послушать доктора Листа.

– Впоследствии было замечено, что данная операция замедляет старение, даже омолаживает организм. Может быть, когда-нибудь мы сможем победить старость и смерть (редкие аплодисменты нескольких старушек). Но даже это не главное...

Больные стащили сумку кого-то из впереди сидящих и вынули из сумки бутерброд. Бутерброд был с ветчиной. «Ах ты, проклятый!», – возмутились больные. Замечание относилось к хозяину бутерброда, точнее, к финансовым возможностям хозяина. Если у человека есть деньги на ветчину, он заслуживает любой кары.

Ветчину разделили на четверых и немедленно съели. Вместо нее на бутерброд положили шнурки и прикрыли сверху куском хлеба. Одноклеточная из последних сил сдерживала смех. Листа она уже совсем не слушала. Бутерброд положили в сумку, а сумку вернули на место. Некоторое время ничего не происходило. Общество начинало скучать. Один из больных тронул хозяина сумки за плечо: «Поделись бутербродом». «Свой надо иметь», – ответил хозяин и демонстративно полез в сумку. Все замерли, образовав живую картину на тему: дайте и мне посмотреть! Хозяин вынул бутерброд, осмотрел его со всех сторон, ожидая увидеть выступающие края ветчины и собираясь начать пир с самого аппетитного кусочка. Не найдя аппетитного кусочка, он укусил, не глядя. Все переглянулись – ничего не произошло. Ага, на шнурки еще не попал. Хозяин откусил снова и вытащил один из шнурков. Он громко выругался. Все, включая Одноклеточную, стали смеяться. Спящий больной проснулся и закрыл рот. «Ты почему жуешь мои шнурки!!!» – возмутился он. Очевидно, человек был без чувства юмора.

Некоторое время в зале стоял шум. Листу, говорившему в микрофон, шум не мешал. Когда шум утих, Одноклеточная услышала окончание его выступления.

– Так вы собираетесь лечить людей? – спросила одна из старушек.

– Нет, пока мы об этом не думали, – ответил Лист.

– А опыты с собаками или обезьянами?

– С собаками – да, но обезьяны слишком дороги.

– Значит, пока вы начнете, я уже умру, – сказала старушка и потеряла интерес.

– Мы живем в великие времена, – продолжал доктор Лист, – я бы сказал, во время пролога к человеку. Именно так – пролога. Нам уже удалось резко поднять обучаемость, интеллект и физическую силу подопытных животных. Сила увеличивается в несколько раз, а обучаемость ускоряется в десятки раз. Человек будущего будет совсем не похож на нас – он будет в десятки раз умнее и сильнее. Он перестанет стареть. Имея громадный интеллект, он сделает новые изобретения, которые еще более ускорят его собственное развитие. До сих пор эволюция человека шла медленно – теперь настало время скачка. Пролог заканчивается и многие из сидящих здесь успеют прочесть первую главу.

Он спустился с трибуны. Ему не хлопали даже несколько старушек, старушки обиделись.

– Ваше выступление было очень интересным, – сказала Одноклеточная.

– Да, я видел, меня слушали внимательно.

– Да, – сказала Одноклеточная, – но мне нужно сказать вам что-то важное.

Она до сих пор не передала сообщение Мучителя и начинала бояться, что передаст его поздно. Но передать такое самому Листу для нее было слишком тяжело.

Лист заметил ее смущение и понял его с мужской точки зрения. Ага, подумал он, как же я раньше не догадывался. Конечно, ничего хорошего в ней нет – так, похожа на белую мышь, на мышку, но скромная, без претензий, никому не скажет, можно держать в секрете много лет. Такая умеет быть преданной, ничего не требуя взамен. Беременная жена Листа была красавицей, но с ужасным характером. В своем положении она так распустилась, что порой ее хотелось задушить. В сны доктора Листа приходили совершенно посторонние девушки. Поэтому некоторое разнообразие на работе было очень кстати.

– Да, я слушаю, – сказал он и нагнулся поближе.

Одноклеточная чуть-чуть отодвинулась, испугавшись. Надо же, как она неопытна, подумал Лист и нагнулся еще ближе. Одноклеточная постеснялась отодвигаться еще раз.

– Да, очень важное, – сказала она, – но я расскажу вам потом.

– Когда потом?

– Через время. Вы хотели мне что-то предложить?

Выступал новый целитель, неся нечто не поддающееся пересказу. Он был последним в списке. Люди ловили его интонацию, угадывая, какая же фраза будет последней. Будто зная об этом, целитель постоянно повторял: «и последнее...». Заканчивая одно последнее, он начинал следующее последнее. Люди привставали и нервничали.

– Да, – сказал Лист, – раз вы слушали внимательно мое выступление, вы должны были со мной согласиться. Вы согласились?

– Согласилась, – согласилась Одноклеточная.

– Вот и хорошо, – сказал Лист, – тогда мы сегодня же поймем вашего идиота и начнем работать с ним.

– И он станет гением?

– Не думаю. Но поумнеет наверняка. И научится говорить. Но это долгая работа. Ведь дети тоже не сразу учатся говорить.

– А как мы его поймем? – спросила Одноклеточная.

7

Человечество – не есть единый материк. Люди – не части одной земли, а, скорее, острова одного архипелага. Поэтому мы иногда понимаем, по ком звонит Колокол, но всегда понимаем это с опозданием.

– А может быть, не стоило этого делать? – спросила Одноклеточная, увидев идиота, наконец-то пойманного, связанного и доставленного в кабинет Листа. Это несчастное, дрожащее, искалеченное существо в первый и в последний раз показалось ей чем-то близким. – Может быть, не стоило обходиться с ним так? Может быть, мы не имеем на это права? Вы не боитесь, что и вас когда-нибудь ждет что-то подобное?

– Что меня ждет? – спросил Лист, не понимая.

– Я вдруг вспомнила слова того экстрасенса, который выступал перед вами. Вы помните – он сказал, что любое зло, причиненное человеку, обязательно вернется к тому, кто это зло совершил.

– Я не вижу здесь никакого зла. Конечно, мы немного помяли вашего последователя, но он же сам виноват, не нужно было ему забираться в вентиляционную трубу.

– Кажется, он верил мне, – сказала Одноклеточная. Она вспомнила, какое выражение лица было у идиота, когда она позвала его за собой, позвала войти во двор лечебницы. Так бездомная собака боится входить в подъезд, но все же входит, чтобы не обидеть доброго к ней человека. Шел мелкий снег и идиот все время проводил пятерней по лицу, чтобы смести щекотавшие снежинки. А потом появились два санитары, и он все понял. – Кажется, раньше он верил мне.

– Бросьте эти глупые сентиментальности. Мы собираемся его спасти. Это не зло, это благородное дело. Может быть, впервые после Господа мы зажигаем огонек разума.

– То есть мы занимаемся не своим делом. Может быть, это и есть зло?

Идиот сидел совершенно неподвижно и молчал. Видимо, он знал, что такое смирительная рубашка, и догадывался, что с ним будут делать дальше.

– Как вы думаете, – спросила Одноклеточная, – та капля разума, которую мы сможем ему дать, – достаточная ли это плата за его свободу? Вдруг он станет разумным лишь настолько, чтобы осознать свою ущербность? Ведь до сих пор он был здоров, потому что не знал о своей болезни, и был бессмертен, потому что не знал, что должен кто-то умереть. В этом он был счастливее нас. Вспомните всех крыс, которые, перенеся операцию, убивали своих сородичей. Почему это происходило? Мы не знаем. Какого монстра мы сделаем из этого безобидного несчастного существа?

– Вот это мы и сможем выяснить. Но если операция пройдет удачно, то мы получим не монстра, а почти нормальное человеческое существо.

– Через несколько дней? У вас есть донор? – удивилась Одноклеточная.

– Донором будет новорожденный ребенок.

– Вы хотите убить младенца?

Доктор Лист вспомнил свои сомнения по поводу этого. Для операции на человеке ему был нужен мозг новорожденного или еще не родившегося ребенка. По всем расчетам ребенок после операции погибал. Это было плохо. Но, кроме моральной стороны, была и чисто техническая: нужно было найти подходящего младенца. Ребенок мог быть смертельно больным или безнадежно травмированным, но клетки мозга можно было взять только у живого ребенка – в этом была одна из главных трудностей. Закон позволял брать органы только у умерших людей, а смертью человека считалась смерть мозга. Но мертвый мозг был бесполезен. Следовательно,

нужно было нарушить закон. Но для того, чтобы нарушать законы, нужны деньги, поэтому еще неделю назад Лист не надеялся на удачу.

Второго марта машина, везущая домой мать с младенцем, врезалась в грузовик. Машину вел счастливый отец семейства, который успел выпить по поводу своего счастья. Отец семейства разбился в лепешку. Мать прожила еще несколько часов. Ее последними словами было: «Передайте ему, что я совсем не боялась умереть, потому что...» Никто так и не узнал почему. Ей не сказали, что мальчик тоже обречен.

Каким бы ужасным ни было несчастье, всегда найдутся люди, которых оно обрадует. Возможно, это безнравственно, возможно, это просто статистика – закон больших чисел. Почему-то статистика всегда безнравственна. Богу следовало бы задуматься над этой проблемой, если он действительно милосерден.

Мальчик мог прожить неопределенно долгое время, подключенный к аппаратам. Но мог и не прожить, потому что в эпоху экономического кризиса электроснабжение периодически отключается, и отключается непредсказуемо, по законам теории вероятности – в самые неудобные и невероятные моменты. У ребенка остались бабушка и дедушка. Доктор Лист попробовал уговорить их на авантюру и даже предложил деньги (собственные, отложенные на поездку к морю), но дедушка и бабушка были искренне возмущены. Их даже не обрадовала перспектива того, что часть их внука будет жить в чужом теле, а имя их внука навсегда будет вписано в анналы истории золотыми буквами и каждая буква будет в метр величиною.

Лист совсем потерял надежду, но позавчера бабушка ребенка пришла в лечебницу и дала устное согласие. Лист был удивлен. Он было подумал о вмешательстве провидения и вежливо спросил о здоровье дедушки. Бабушка сказала, что дедушка, не выдержав несчастий, покинул этот мир. Бабушка хромала и имела большой синяк на лице. Это говорило о вмешательстве сил более материальных, чем провидение. Подробностей Лист выяснять не стал. В стране, где раскрывается одно убийство из двенадцати (очевидно, совершенное прямо посреди улицы и под окнами пункта Охраны Порядка), – в такой стране человеческая жизнь стоит примерно три минимальных зарплаты. Жизнь человека, который интересуется не своим делом и выясняет подробности, вообще ничего не стоит.

– Вы хотите убить младенца? – спросила Одноклеточная.

– Для операции подойдет обреченный ребенок, уже практически мертвый.

– А как же быть с законом? А ежемесячная инспекция?

– Ежемесячная инспекция ничего не понимает в медицине. В области более тысячи лечебниц и всего несколько десятков хороших специалистов. Поэтому комиссия будет верить тому, что я скажу. К тому же, это гуманно: один обреченный человек спасает жизнь другому. Это уменьшает количество зла в мире. Это мой моральный императив: делай все, что уменьшает общее количество зла на земле. И если для этого приходится иногда быть жестоким, то я буду жестоким, такая жестокость оправдана. Хирург обязан быть жесток.

Одноклеточная молчала.

Лист посмотрел на нее и продолжил разговор сам с собой.

– Представьте себе, как много людей умирает ежемесячно от неизлечимых болезней мозга. Среди них художники, ученые, гении и благодетели человечества. Если такой человек останется жить, он принесет громадную пользу, увеличивая количество добра на земле. Случайный ребенок, даже если бы он и мог выжить, наверняка бы вырос в обычную человеческую серость. Давайте подойдем к этому со стороны целесообразности. Смерть младенца, который есть ничто, никак не повлияет на общее положение вещей. В то время как спасенный гений...

– Гений никогда не согласится жить, украв чужую жизнь, – сказала Одноклеточная, – иначе он просто перестанет быть гением.

– Напротив! Пока мы предполагаем операции на больных людях. Но если прооперировать здорового, то его интеллект неизмеримо возрастет. Он разрешит множество задач, кото-

рые до сих пор считались неразрешимыми. Он спасет не одну, а тысячи детских жизней. Ведь тысячи и тысячи детей постоянно умирают от голода и болезней. Гений, которого создадим мы, смог бы изобрести вакцину от болезней и сделать многое другое. Он сможет поднять других людей до своего уровня. Очень скоро все человечество изменится. На земле действительно появится человек разумный, ведь теперешний биологический вид – это человек, поступающий неразумно. Вы согласны?

– Не со всем.

– Неужели я вас не убедил? Тогда возражайте.

– Я не могу возражать вам, вы намного умнее меня. Но я женщина, я подумала о вашей жене, о Лизе. Ведь она ждет ребенка. Что бы она ответила вам?

Бывают минуты, когда мы, сами того не зная, предсказываем будущее. Впоследствии, если мы вспоминаем эти минуты, мы удивляемся не точности, но глубине совпадения – так, будто кто-то смог выразить жизнью то, что мы хотели, но не могли выразить словами.

– Что бы она ответила вам? – спросила Одноклеточная.

На несколько секунд Лист превратился в соляной столб.

Идиот пошевелился и замычал. Лист оттаял снова. Он подошел к пленнику.

– Давайте дадим ему какое-нибудь имя, – сказал он.

– Давайте.

– Тогда что-нибудь героическое, ведь он первопроходец.

– Нет, лучше что-нибудь доброе, – возразила Одноклеточная, в который раз за сегодня удивляясь собственной смелости.

– И что, например?

– Давайте назовем его Мусей.

– Муся? – удивился Лист. – Такого имени не бывает. Хотя, возможно, Муся значит Мафусаил. Тогда это имя очень символично, ведь операция омолаживает организм и замедляет старение. Мафусаил. Муся. Хорошо, назовем его так.

Муся помычал снова. Лист насторожился.

– С ним что-то не так. Он мычит каждый раз, когда пытается двинуть рукой. Конечно (он профессиональным движением ощупал Мусино плечо), конечно, у него сломана ключица. А мы его связали так, что осколки кости разошлись. Но это не страшно, это даже не помешает операции.

– А как это получилось? – спросила Одноклеточная.

– Он влез в трубу, которая выходила в один из подвалов. Труба была в трех метрах над уровнем пола. На полу лежали кирпичи, потому что начинался ремонт. Труба была такая узкая, что выйти он не мог, мог только выпасть. Тогда мы поступили с ним, как обычно поступаем с крысами – подключили к трубе несмертельное напряжение. И он упал прямо на кирпичи.

– А если бы он сломал шею?

– Даже при сильном повреждении спинного мозга ему бы помогла операция. Видите, мы подстраховались со всех сторон.

– Жалко его, – сказала Одноклеточная.

Лист не ответил. Он подошел к окну и приоткрыл его. Несмотря на имитацию снега, над городом плыла весна. Весна была печальная, будто заблудившаяся. Устало кружили вороны, и невидимая церковь испускала в пространство колокольный звон.

– Все время, пока мы говорили, – сказала Одноклеточная, – мне казалось, что я слышу удары колокола. Но я не могла понять, зачем звонит колокол. Ведь сегодня нет праздника и никто не умер.

Колокол ударил сильнее – резко и грубо, будто молотком о рельс.

– Может быть, они испытывают новый колокол, – неумно предположил Лист, – а может быть, звонарь тренируется.

– Но звук такой странный, будто предупреждает о чем-то.

– Глупости, что может случиться?

Он снова подошел к Мусе и присел на корточки. Муся зажмурился.

– А знаете, – сказал Лист, – этого идиота раньше много били. Он меня боится, боится моего халата. Он наверняка жил в лечебнице. Обычно после этого они становятся очень жестокими, в конце концов их приходится держать в отдельной клетке.

– В палате?

– В одиночной палате. А ваш Муся остался тихим и робким, это странно. Это врожденная слабость нервной системы, его уже ничем не изменить. Он был совершенно безопасен, поэтому его и выпустили. Прекрасно, значит и нам он не доставит неприятностей.

Колокол ударил снова.

– А, впрочем, я знаю, о чем мог бы предупреждать этот колокол, – продолжил Лист. – Взять хотя бы проблему доноров. Один младенец может спасти одного человека, неизлечимо больного. Если у такого больного есть деньги, то...

Удар колокола.

– ...то найдутся женщины, которые станут рожать на заказ...

Еще удар.

– ...детей будут воровать прямо из родильного отделения, продавать и перепродавать...

Еще удар.

– ...и многое другое. Но я не боюсь, хотя даже колокол подтверждает мои слова. (Он спокойно улыбнулся и закрыл окно.) Есть многое другое, чего мы пока не можем предположить. Что бы вы сделали, Одноклеточная, если бы изобрели атомную бомбу?

– Не знаю.

– А я знаю. Вы бы ее испытали на какой-нибудь далекой стране. А если бы не было далекой страны?

– Не знаю.

– Тогда бы вы ее испытали на ближней и дружественной стране. А если бы и это было невозможно?

Она промолчала.

– Не знаете? А я знаю. Вы бы испытали ее на собственной стране и даже на себе самой.

– Неправда.

– Правда. Все люди устроены одинаково. Любая созревшая функция требует своего применения – помните, так утверждал классик психологии. А сейчас мы изобрели атомную бомбу.

– Бомбу? – не поняла Одноклеточная.

– Бомбой может быть любое изобретение, даже просто идея, например, идея всеобщего равенства, которая убила больше людей, чем все бомбы, вместе взятые, – объяснил Лист.

– И что же нам делать?

– Испытывать ее.

– И у вас нет жалости к людям?

– Жалость для хирурга означает профессиональную импотенцию, – нетерпеливо объяснил Лист, – я думаю, пора приступать к делу.

Одноклеточная прислушалась. Ей показалось, что звук колокола все же слышен. Звук вибрировал, просачиваясь сквозь стекло. Может быть, вибрировала только память о звуке или то напряжение, которое звук оставил за собой. Ей так казалось, но она не была уверена.

8

Протерозой, 20 марта.

Человек, стремящийся к чужому счастью, всегда несчастлив сам. Его несчастье не всегда сильно, но всегда безнадежно.

Двадцатое марта было воскресеньем, но несмотря на это Одноклеточная работала. Вначале новая цель не увлекла ее, но, вспомнив об одинокой тоске выходных дней, которая плотоядно поджидала в пустой квартире, Одноклеточная увлекла сама себя новой целью. Она решила работать без выходных – иногда в ее голову приходили и более странные идеи.

В толпе можно думать только мыслями толпы; любая новая или странная идея есть результат одиночества. Христос не зря удалялся в пустыню.

В жизни Одноклеточной выходные дни были чем-то вроде долгожданного кошмара: наконец-то заканчивается неделя, ты погружаешься в свободное время будто в теплую воду и расслабляешься, но сразу же тысячи пиявок тоски начинают высасывать из тебя кровь. Одиночество – разбавленный раствор тоски; если одиночества слишком много, то точка кристаллизуется.

Она решила посвятить себя работе.

Она работала с Мусей третий день подряд; работа началась сразу после операции. В первый же день Муся заговорил. Он научился повторять как эхо любые слова, обращенные к нему. Было похоже, что он понимал и смысл слов. Все это напоминало воспитание ребенка; Одноклеточная никогда не имела детей и никогда не имела дела с детьми (не считая соседских), но материнский инстинкт подсказал ей и правильную интонацию сюсюканья и обязательные трепыхания восторга при каждом новом успехе ученика. Тот же инстинкт подсказал ей, что воспитательный процесс идет не совсем гладко. Впрочем, первый день после операции прошел спокойно.

Придя утром на следующий день, Одноклеточная удивилась перемене, которая произошла с Мусей. Его лицо стало лицом разумного человека. Правда, Муся не был Аполлоном – мясистое лицо, все в буграх и вмятинах, рыхлое, как весенний снег, короткие пальцы почти без ногтей, маленькие, но сильные глаза (напоминающие глаза быка или носорога), свистящее дыхание, постоянно капающий пот, двойной подбородок. Его губы еще иногда вываливались вперед, а рот закрывался чуть позже, чем нужно, но все же закрывался. Во второй день Муся научился говорить вполне самостоятельно. Одноклеточная провела интеллектуальный тест и получила прекрасный результат – 76 баллов. Это был результат недалекого, но здорового человека. В этот же день Одноклеточная попробовала учить Мусю читать, но дальше разглядывания картинок из букваря дело не шло. Правда, букварь Мусе понравился. Одноклеточная постаралась объяснить Мусе основные, как она считала, понятия – понятия добра и зла, и кое-что ей удалось. Сама себе она казалась змеем, совращающим первых людей в раю.

Это было приятно: во-первых, совращать кого-то всегда приятно, а она пробовала это только в первый раз; во-вторых, даже сравнивая себя с врагом человечества, она ощущала гордость – из-за разницы в масштабе. Но главное – без понимания добра и зла человек никогда не станет действительно человеком.

– Так скажи мне, что такое зло? – спросила Одноклеточная.

– Это зло, правильно?

– Правильно, но не нужно было этого делать. Зло делать нельзя.

– Правильно, нельзя, – согласился Муся, – потому что потом будет хуже, если тебя поймут. Я хочу поймать повара и заставить его есть помои. Хочу оторвать стул и бросить его в

окно (он перечислял медленно и очень рассудительно), хочу поцарапать все стены, хочу сварить из тебя суп, хочу забрать твои сережки.

– Зачем?

– Хочу.

В тот день ответил была в сережках – они были серебряными, длинными, как сосульки: кольцо и к нему подвешены цепочки разной длины.

– Хочешь, я тебе сама дам мои сережки?

– Нет, так я не хочу, – сказал Муся и встал. Он был высок и, наверное, силен, но Одноклеточная не боялась его по трем причинам: во-первых, доктор Лист, который не ошибается, сказал, что Муся безобиден; во-вторых, она боялась только тех людей, перед которыми чувствовала себя неловко, по неопытности не опасаясь физической угрозы; а в-третьих, конечно, сломанная ключица.

Муся подошел совсем близко и наклонился к ее уху.

– А теперь скажи мне, что такое добро? – попыталась остановить его Одноклеточная.

Муся не отвечал.

– Ну?

Муся укусил ее за ухо.

Потом, когда кровотечение остановили, а Мусю снова окунули в смиренный комбинезон, Одноклеточная поинтересовалась, что же произошло с ее сережкой. Ничего страшного – Муся пожевал ее и выплюнул. Сережку нашли в углу. Одноклеточная опасалась, что бедняга может проглотить металл. Остальное ее волновало меньше. Она высказала свое опасение и санитар посмотрел на нее с презрением, как на явную лицемерку. Она покраснела.

Люди стесняются своих самых прекрасных чувств так же сильно, как и самых мерзких. Те люди, которые имеют прекрасные чувства. Остальные не стесняются ничего.

Этим закончился второй день.

На третий день, двадцатого марта, Муся был прикован к столику за здоровую руку, а Одноклеточная старалась к нему не приближаться.

– Мне так неудобно, – сказал Муся.

– Ты сам виноват, не нужно было на меня набрасываться.

– Я не о том говорю, меня неудобно перевязали, все время болит спина. Отпусти меня.

– Нельзя, у тебя перелом ключицы, твои плечи должны быть отведены назад. Тебе продели под руками кольца и связали их сзади, а сверху сделали повязку. Так надо.

– Значит, это не навсегда?

– Нет, но на несколько недель.

– Я не буду тут ждать несколько недель.

– А что же ты будешь делать?

Муся замолчал и стал трещать пальцами. Он держался за каждый палец по очереди и был слышен довольно громкий треск.

– Зачем ты это делаешь? – спросила Одноклеточная. – Это плохо.

– Это тоже зло?

– Так не принято.

– А мне нравится и я буду, – сказал Муся. – Почему пальцы трещат?

– Я не знаю.

– А что же ты тогда делаешь?

– Я учу тебя жизни.

Муся пошевелил губами, это означало улыбку.

– Ты меня ничему не научишь, ты даже не знаешь, почему трещат пальцы. Когда-нибудь я тебя убью.

– За что? – удивилась Одноклеточная.

– За то, что ты со мной сделала. Я чувствую себя так, будто с меня содрали кожу. Я хочу, чтобы ты чувствовала то же самое. Я сдеру с тебя кожу.

– Но это зло, – сказала Одноклеточная, чувствуя, что все ее аргументы проваливаются в пустоту. – А ты знаешь, что зло делать нельзя.

– Я не настолько глуп, чтобы тебе верить, – сказал Муся, – но я еще многого не понимаю. Расскажи мне обо мне.

– Я встретила тебя недавно, – начала Одноклеточная, – тогда ты был очень болен и выпрашивал деньги в метро. Ты даже не умел говорить. И зачем-то ты пошел за мной. Вначале я тебя боялась.

– Да, я помню, я пошел за тобой, ты мне понравилась, ты была добрая.

Одноклеточная испугалась, что покраснеет, и от этой мысли действительно начала краснеть.

– Откуда ты мог знать, что я добрая? – тихо спросила она.

– До сих пор мне снится сон, – сказал Муся, – и я постоянно просыпаюсь ото сна. Сначала я знаю, что проснулся, а потом понимаю, что это снова только сон. И когда я понимаю это, то я опять просыпаюсь.

– Непонятно, – сказала Одноклеточная.

Наверное, в его голове неверно замкнулись какие-то связи, подумала она.

– Ты была самым первым моим сном. Но я тебя хорошо помню. Ты была хорошим сном. А потом я проснулся и просыпался много раз. Сейчас я хочу содрать с тебя кожу. Я возьму нож... Или ножницы...

– Пожалуйста, не надо!

– Я разрежу кожу на спине и на животе, потом выверну ее, как перчатку...

– Остановись!

– Почему?

– Ты не можешь быть таким. Ты никогда не был таким.

Муся задумался.

– Я понимаю, – сказал он, – я правда понимаю. Я много понимаю. Но расскажи мне обо мне.

– Тебя вылечили, – сказала Одноклеточная, – ты первый человек, которого смогли вылечить от врожденного слабоумия.

– Я не человек, – возразил Муся.

Одноклеточная почему-то испугалась его слов.

– Тебе сделали операцию, – продолжила она, – для этой операции взяли мозг ребенка...

– Но это зло.

– Нет, ребенок все равно умирал.

– Но он бы не умер.

– А он и не умер, – сказала Одноклеточная, – он живет до сих пор. Я не знаю, как это получилось, но живет. Но он все равно не проживет долго.

– Я хочу быть таким, как все, – сказал Муся. – Почему я не могу быть таким, как все?

– Я точно не знаю, никто не знает. Все дело в том, что до тебя операции проводили только на крысах. И крысы становились очень злобными и жестокими, они убивали всех остальных крыс. Может быть, в их мозгу неправильно замыкались связи. Ты ведь тоже отвечаешь мне невпопад.

– Нет, это ты слушаешь невпопад, – возразил Муся. – Так вы ничего не узнали?

– Нет. Доктор Лист выяснял причину с помощью гистологических исследований, но так ничего и не выяснил.

– И решил выяснить на мне. Я выпотрошу этого доктора и сделаю из него чучело.

– Нет! – возмутилась Одноклеточная. – Доктор Лист гений, он тебя спас. Теперь все зависит только от тебя. Борись за себя. Если ты победишь себя, то ты не будешь желать зла. Ты станешь таким, как все.

– Неправильно, – сказал Муся, – победив себя, я сам же и проиграю. Скажи, почему ты сегодня без сережек?

– Ты откусил мне вчера кусок уха. Тебе так захотелось. Теперь я никогда не смогу носить сережки.

– А зачем тебе их носить?

– Потому что я женщина.

– Теперь ты говоришь непонятно.

– Ну как же? – удивилась Одноклеточная. – Все люди делятся на мужчин и женщин.

– А они делятся во взрослом состоянии? – спросил Муся.

– Нет, во взрослом состоянии они наоборот... – сказала Одноклеточная и от смущения не смогла продолжить фразу.

– Как – наоборот, соединяются?

– Просто я женщина, а ты мужчина.

– Почему?

– Потому что людей так создал Бог. Или природа.

– Нет, Бог лучше, – резонно заметил Муся, – а сам он делился или соединялся?

– Он един и всегда был един.

– Тогда с нами он что-то напутал. Но я не понял, в чем разница.

– Понимаешь, это сложно объяснить. Женщины слабые, а мужчины сильные. Женщины красивые и носят сережки, а мужчины должны быть умные. Мужчины любят женщин, а женщины любят, чтобы их любили. И главное, мужчины должны защищать женщин, иначе они не настоящие мужчины.

– Да, сказал Муся, – сейчас ты говоришь правду. Я вспомнил свой первый сон. Я шел за тобой для того, чтобы тебя защищать, потому что ты была женщина. Я помню твой дом, помню тебя, когда ты включила свет.

– Когда я выключала свет, меня не было видно, – сказала Одноклеточная.

– Нет, я тебя видел. Тебя освещали фонари. Ты часто сидела у окна в темной комнате. А я стоял, чтобы тебя защитить. А теперь я хочу тебя убить. Помоги мне.

Одноклеточная протянула руку.

– Вот тебе моя рука. Постарайся не сделать мне больно. Защищай меня. Видишь, моя рука слабая и хрупкая. Чего тебе хочется?

Муся потянул за мизинец.

– Мне хочется оторвать этот палец. Почему он не щелкает?

– Сдерживай себя, иначе ты никогда не станешь человеком.

Он слегка сжал ее руку в своей.

– Странно, – сказал он, – я чувствую твою руку, как свою. Будто бы ты продолжение меня. И мне не хочется отпускать твою руку, но я не знаю, чего мне хочется. Почему все так сложно?

Она приподняла ладонь. Его рука приподнялась тоже, как намагниченная. Одноклеточная почувствовала, что ее рука тоже хочет двигаться за чужой рукой. Муся перевернул ладонь, и ее ладонь перевернулась тоже. Ладони вели себя как две влюбленных рыбки в аквариуме, они забыли о том, что кому-то принадлежат.

– Так иногда бывает, – сказала она, – это значит, что сейчас ты победил себя. Тебе ведь приятно держать меня за руку?

– Да.

– И тебе хочется меня защищать?

– Да.

– Значит, ты выздоровел. Ты думаешь и чувствуешь, как настоящий человек, как настоящий мужчина.

Она отобрала свою руку. Вначале это было невыносимо больно, долю секунды, потом – будто вынуть голову з пасти льва.

– Зачем ты это сделала? – спросил Муся.

– Я должна идти.

– Но мне нужно тебя защищать.

– Ты обязательно будешь меня защищать, но потом, когда ты станешь совсем здоровым.

– Ты придешь еще?

– Я буду приходить каждый день.

– А я буду приходить каждую ночь.

Она снова покраснела.

– Может, и будешь приходить, но потом. А пока я разрешаю тебе приходить только во сне. Во сне можешь приходить каждую ночь. А сам ты будешь здесь.

– Я не останусь здесь, – сказал Муся, – жди меня сегодня ночью, я обязательно приду.

– Я не открываю двери по ночам.

– А я не боюсь запертых дверей. Сегодня ночью я приду к тебе, и ты снова дашь мне свою руку. А если не дашь, то я не стану тебя защищать. Я тебя убью, если ты не настоящая женщина.

Он вдруг побледнел и закрыл глаза. Его лицо неуловимо меняло выражение. Мимика напоминала человеческую, но человеческой не была. Это пугало, как близкий и неожиданный раскат грома. Когда он открыл глаза, это были глаза другого человека.

– До свидания, – сказала Одноклеточная, теперь уже по-настоящему испугавшись. Она взглянула на наручники и на стальную стойку, но почему-то не смогла успокоиться. В холле она встретила двух охранников, но это ее тоже не успокоило. До самого вечера ее сердце билось быстрыми толчками, и в этих толчках был не только страх.

9

В зверином мире побеждает самый сильный.
В человеческом зверинце – самый жестокий.
В человеческом мире – самый милосердный.
Но самый милосердный, попав в человеческий зверинец, погибает так же, как самый жестокий в клетке со львами – его разрывают непобежденным.

До конца дежурства оставалось шесть часов. Охранники в холле убивали время каждый своим способом: первый, большеносый и с деревенским выражением лица, в четвертый раз перечитывал эротические анекдоты, уже почти не смеясь и тщетно стараясь найти соль во втором анекдоте с конца на третьей странице; второй, бледный и худой, очень напоминающий студента-цареубийцу, ходил взад-вперед и кусал губы. Они совсем не разговаривали из-за несходства мнений по всем кардинальным вопросам жизни.

Большеносый был одет в черный свитер с блестками и в форменные брюки охранников порядка. На свитере золотыми буквами было вышито «2001», но никто не знал, что эти цифры означают. Он вертел две железных бляхи в руках, бляхи ерзали одна по другой и издавали противный скрип. Огромный нос, выпуклый во всех направлениях, но не кожистый, а костяной, прекрасно сочетался на его лице с красными половинками щек (нижние половинки щек были бледными), со следами прыщей, со ртом, который не закрывался, хотя не говорил и не ел, но все же выражал все возможные и почти невозможные эмоции. Но самой интересной деталью на этом лице был не большой нос (и зубы, подобранные по размеру), а выражение глаз – победное выражение деревенского Дон Жуана, привыкшего гулять по самой широкой улице села и смотреть снисходительно, как девки выскакивают из-за плетней и спешат наперегонки, чтобы броситься ему на шею. К концу улицы он так обвешан девками, что напоминает виноградную гроздь – ему становится тяжело, он сбрасывает девок на обочину и снова идет по самой широкой улице, но уже в обратном направлении, и снова из-за плетней выскакивают девки: оказывается, кое-кто еще за плетнями остался. Для городских девок он был не столь соблазнителен – городские меньше любят белобрыхых.

Большеносый читал и шевелил губами. Дочитав до конца, он отложил газетку, но его губы продолжали шевелиться. Он шевелил губами не оттого, что медленно читал, а оттого, что медленно думал и губы не без труда поспевали за мыслью. Потом он взял со стола какой-то документ, взглянул на него пронизательно, но читать не стал. Потом перевернул документ вверх ногами, опять взглянул и опять читать не стал. Потом перевернул листок обратной стороной и долго смотрел на чистую поверхность, будто пытаясь прожечь ее насквозь силой мысли. Потом положил листок на стол и написал карандашом матерное слово, посмеялся. Потом стер слово резинкой (обратной стороной карандаша) и стал срисовывать из газетки неприличную картинку, увеличивая отдельные многозначительные детали анатомии и, конечно, картинку в целом. От старания он закусил нижнюю губу.

Проходя мимо, брюнет-цареубийца взглянул на картинку, отметил старательность большеносого и выразил свое мнение презрительным уползанием губ вправо. Он откинул прядь волос, свалившуюся до самого подбородка, и снова стал кусать губы. Кусал он только одну губу и все время за один и тот же угол. Видимо, его губа отрастала наподобие прометеевой печени. У него была странная фигура – совсем без плеч, как казалось вначале, – но потом оказывалось, что плечи все же есть, только круто уходящие вниз. Его голова также свешивалась вниз, поэтому ему приходилось глядеть исподлобья. Его взгляд был внимательным и приятным, но двигался чересчур плавно – так движется телекамера кругового обзора.

Вдруг он остановился.

Большеносый оторвался от неоконченной картинки и взглянул на своего насторожившегося собрата. Несколько секунд ничего не происходило. Большеносый оперся локтем о стол и обернулся всем телом вокруг локтя, как вокруг шарнира. Ничего не заметив вокруг, он символизировал гримасу на тему: всяким хлюпикам уже мерещится, снова повернулся вокруг локтя и взялся за карандаш.

– Я слышал шум на лестнице, – сказал цареубийца, обращаясь к пространству.

– Давай подождем, – согласился большеносый.

Цареубийца сел в кресло (кресло было из искусственной, свежеврезанной ножом кожи, из-под кожи торчал поролон), наклонился и прислушался. Должно быть, он не умел долго сидеть в одной позе – ничего не услышав, он встал, сделал два шага и сел за стол, наклонившись вперед. В его наклоне было что-то от знаменитой падающей башни, он обязательно требовал подпорки. Он медленным движением приложил руку к лицу, не опираясь. Его взгляд и напряжение тощей шеи остались теми же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.